

Н. КАЛЪМА

ДЕВМЩА ЖАВЛЕРИСТ

К 17.
Р 315/4

ДЕМЪМЪ

Н. КАЛЬМА

ДЕВИЦА-КАВАЛЕРИСТ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. КУЗЬМИНА

Государственное Издательство
Детской Литературы
ИКИ РСФСР
Москва 1942 Ленинград

1. ЭСКАДРОН НА ЮРМАНКЕ

Ленивый, густой, как мед, колокольный звон плыл над городом Сарапулом. Был какой-то праздник. Сады, белые колокольни, одноэтажные пузатые дома — все еще дремало, разморенное июльским солнцем.

Даже быстрая речка Юрманка, впадающая в Каму, и та, казалось, умерила свою прыть и текла медлительней, извиваясь от удовольствия, среди зарослей ольховника и желтых отмелей.

На круглой скамейке, поставленной у самого берега, сидели две сарапульские жительницы — старая, доживающая на покое свой век девица Крамская, бывшая фрейлина царицы Елизаветы, и ее дальняя родственница, вдова бедного чиновника Дарья Петровна Снежкова.

Несмотря на ранний час, Крамская, по столичной привычке, была уже в пудренных буклях, в кружевном чепце с огненными лентами и нарядной мантилке. На чиновнице кое-как сидела сильно поношенная пелерина, а волосы покрывал темный вдовый платок. Меланхолический слуга в ливрее вылинявшего зеленого цвета отгонял от сидящих тростниковой метелкой комаров.

Обе дамы принесли с собой рабочие мешочки, но до сих пор так и не удосужились вынуть свои рукоделия. Зато усердно работали их языки.

Маленькая, с худым лисьим личиком Снежкова, первая сарапульская вестовщица, успела уже рассказать своей покровительнице по крайней мере половину городских новостей. Старая фрейлина, скущающая в заштатном городишке, слушала с жадностью, приблизив вплотную к соседке морщинистое ухо: Крамская была глуховата.

— А в соборе нынче купола золотят, матушка Анна Афанасьевна, — рассказывала Снежкова, — как жар горят маковки.

— Ась? На заборе дупеля сидят? — встрепе-

нулась Крамская. — Где? Где? Покажи. Да что ты, мать моя, все про себя шепчешь!

— В соборе, говорю, купола, купола золотят, — закричала во все горло Снежкова, — извольте сами поглядеть.

Крамская сердито замахала руками.

— Ополоумела, голубушка! Кричит, будто ее режут. Я, мать моя, ведь не глухая какая-нибудь. Стоит кричать из-за того, что купола золотят! У нас, голубушка, в Петергофском царицыном парке все статуи были золотые. Блаженной памяти Елисавета Петровна самолично изволила следить, чтоб позолоту поновляли. А вот однажды случился такой конфуз...

И старая фрейлина в десятый раз стала повторять давно всем известные придворные истории прошлого царствования. Снежкова делала вид, что внимательно слушает, а сама старалась подавить зевету.

Но внезапно сонное выражение сбежало с ее лица, рыженькие бровки взлетели вверх, ржавые колючие глазки вытаращились и все ее существо выразило такое жадное любопытство, что Крамская остановилась на полуслове:

— Что? Что с тобой приключилось? Что ты там увидела?

— Извольте сами взглянуть, Анна Афанасьевна, — пролепетала чиновница, тыча пальцем в

сторону берега. — Говорили люди, а теперь вот самой довелось увидеть...

Старая фрейлина приложила к глазам двойной лорнет.

В лорнете мелькнул кусок зеленого берега, кустарник, потом круто спускающаяся к Юрманке каменистая дорожка и наконец цветные рубашки ребят, скачущих верхом на палках к реке. Впереди этой ватаги мчалась девочка лет двенадцати с растрепанными темными косами, прыгающими по плечам. В руках ее блестел гусарский палаш. Лицо девочки, смуглое, широкоскулое, с упрямым ртом и большими смелыми глазами, раскраснелось от бега. Ее розовое холстинковое платье с оборками было стянуто на талии кожаным ремнем, из-за него высывались рукоятки двух старинных кремневых пистолетов.

Не добежав шагов десяти до скамейки, девочка вдруг остановилась, круто обернулась к следовавшим за ней ребятам и низким голосом, запыхавшись, скомандовала:

— Эскадрон! Направо кругом! С места! Марш-марш!

Старая фрейлина вздрогнула и выронила лорнет. Хорошо, что он был на цепочке, а то бы непременно разбился!

— Кто? Кто это... такой... такая?.. — Она, очевидно, не находила слов.

Снежкова нагнулась к фрейлине.

— Это старшая дочка нашего городничего, Андрея Васильевича Дурова, — сказала она, повысив голос. — Изволили слышать?

— А, знаю, слыхала, — кивнула Крамская. — Говорят, монстр какой-то. Верхом, как мужчина, ездит, стреляет, с крыш прыгает, с дворовыми якшается...

— Чему же тут удивляться, матушка Анна Афанасьевна? — запела чиновница. — Ведь девочка на коюшине воспиталась. Сам Дуров-то бывший гусар, в походы за собой все семейство таскал, а дочку сдал гусару-денщику на воспитание. Вот и выросло этакое чудище.

— Несчастливая мать! — с чувством сказала старая фрейлина. — Нет, будь моя воля, я бы сумела справиться с этой девицей. Засадить ее за пяльцы да запереть — вот и весь сказ! — И она сделала энергичный жест, словно поворачивала ключ в замке.

Со своего места на дороге девочка в розовом платье видела и этот жест и слышала от слова до слова весь разговор. Щеки ее побледнели, скулы резко обозначились на лице. Она закусила губу.

Ее, Надю Дурову, запереть! Ее, которая берет барьеры и скачет на лошади не хуже самого отца! Заставить ее вышивать по канве цветочки! Ее, которая из отцовского пистолета в двадцати шагах попадает в цель!

Она с яростью топнула ногой. Почему, поче-

му она не мужчина?! Тогда никто не смел бы отбирать у нее оружие, тогда она могла бы сражаться на войне, драться с врагами, защищать свою родину, добывать славу...

Злые слезы застилали глаза Нади Дуровой. Она вызывающе посмотрела в сторону скамейки и крикнула своим ребятам:

— Эскадрон! К березе!

Это было любимое развлечение. Оттуда, с вершины березы, Надя Дурова соскакивала на землю, держась за гибкую ветку. Так она тренировалась в смелости.

Ребята послушно направились к тонкой березе на обрыве. Но по дороге захныкала толстенная Аксютка, дочка повара Трифонича.

— Я боюсь, я не стану прыгать. Ой, барышня, пустите меня...

— Сколько раз тебе повторять, что я не барышня, а командир эскадрона! — запальчиво сказала Надя. — А потом — как же ты на войну пойдешь, на неприятеля, коли ты сейчас, чуть что, ревешь?

— Зачем мне на войну? Я девочка, а девочки на войну не ходят. — Аксютка с важностью раздула щеки и, видимо повторяя то, что слышала от взрослых, прибавила: — Девочки должны дома сидеть, добро сторожить, а воевать пускай мужчины идут...

Аксютка осеклась, в испуге отпрянула. Блед-

ная, с трясущимися губами, Надя Дурова наступала на нее.

— Глупый попугай! — хрипло сказала она. — Кто тебя научил так говорить? Говори, кто!

Аксютка взвизгнула от страха, втянула голову в плечи. Сейчас, сейчас барышня ударит ее, избьет!

Но тут с обрыва послышался крик:

— Барышня-а! Наденька-а! Вас маменька ищут!..

Дворовая девушка Василиса сбежала вниз.

— Маменька всю дворню за вами разослали, — запыхавшись сказала она Наде, — гневаются страсть как!

Надя машинально пригладила волосы. Глаза у нее вдруг погасли, движения сделались вялыми.

— Иду, — сказала она скучным голосом и, взглядом попрощавшись с эскадром, последовала за Василисой.

2. «ГУСАР-ДЕВКА»

В спальне было душно, пахло лекарствами, какими-то травами, уксусом. На комод, на туалет, даже на пьезцах стояли пузырьки, банки, скляночки со всевозможными снадобьями, которыми жена городничего Надежда Ивановна Дурова лечилась от настоящих и воображаемых болезней.

Высокая, с бледным, раздраженным, но красивым лицом, Надежда Ивановна металась по темной спальне, нервно ломала пальцы и то и дело звала кого-нибудь из слуг:

— Эй, люди, кто там есть? Васька! Дашка! Перфишка! Ну что, не нашли еще?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, — почтительно отзывался седой Перфишка, денщик Дурова, — я Василису на Юрманку послал, а Данило в слободе ищет...

Жена городничего сердито махала рукой и принималась снова метаться по комнате, бормоча про себя не то угрозы кому-то, не то жалобы на судьбу.

Да и как было не сетовать на судьбу Надежде Ивановне! Дочь богатого украинского помещика Александровича, она против воли родителей вышла замуж за гусарского ротмистра Дурова, человека мягкого и открытого, но без всякого состояния.

Избалованной помещичьей дочке сразу пришлось окунуться в походную жизнь. В доме отца был сладкий долгий сон в покойной постели, молодую жену ротмистра будил на заре горнист, и в тяжелом темном рыдване она следовала за полком, тряслась по ухабам, ночевала в грязных местечках, глотала дорожную пыль... Так, в походе Надежда Ивановна и родила своего первого ребенка. И тут судьба обманула ее: ей хотелось

иметь сына-красавца, она даже имя ему подобрала — Модест. А родилась девочка — большая, смуглая, крикунья. Матери она решительно не понравилась, зато ротмистр так и сиял. Он взял девочку к себе на лошадь, качал, подкидывал ее и приговаривал:

— Ох, какой крепыш! Кричи, брат, кричи, меня не испугаешь!

По правде сказать, ротмистру тоже больше хотелось сына, но он обрадовался и дочери. Девочку назвали Надеждой. Она досаждала матери своим криком, и потому ее отдали под присмотр правофлангового гусара, татарина Ахметова.

Усатая нянька оказалась на редкость заботливой. В походах маленькая Надя ехала у Ахметова в седле, он умел укачивать ее, рассказывал ей солдатские сказки и пел песни. А когда полк становился на квартиры, Ахметов с утра являлся за Надей. Он сажал ее на плечо, водил в эскадронную конюшню, показывал разные приемы с саблей и пистолетом...

— И вот дождались... Конюшенное воспитание!.. — с досадой шептала про себя жена городничего.

У Надежды Ивановны родились еще две дочки — Женя и Клёна. Те были девочки как девочки: послушные, тихие, благовоспитанные. А Надя вырастала сорванцом, дикаркой. В комнатах ее

не удержишь, любимые ее игрушки — сабли, пистолеты, палаши. Пробовала мать приглашать к ней подруг, сарапульских помещичьих дочек, — Надя одной стала показывать, как фехтуют, у другой щелкнула над ухом пистолетом; та — в слезы...

— Наказание мне с этой девчонкой! — и Надежда Ивановна еще быстрее зашагала по спальне.

В эту минуту за дверями слышались быстрые шаги, тихий стук — и на пороге появилась та, которую вот уже целое утро искала вся дуровская дворня.

Голова Нади Дуровой была опущена, руки беспокойно теребили косынку на шее, но рот был упрямо сжат и скулы резче проступили на лице, придавая ему выражение упорства и воли.

Минуту мать молча, с враждебным любопытством разглядывала девочку.

— Хороша! — сказала она наконец. — В волосах солома, рюши на платье оборваны, пистолеты, как турок, на себя нацепила... Хоть бы людей постыдилась, сударыня, — раздраженно продолжала она. — На весь город свое семейство ославил! Куда ни придешь, всюду толкуют, что у городничего не дочь, а гусар-девка. Слышишь, гусар-девка! — закричала истерически Надежда Ивановна и заломила руки.

Надя стояла, не подымая головы.

— Ты девка, значит должна дома сидеть, за хозяйством смотреть, — говорила Надежда Ивановна высоким, дрожащим голосом. — Я всю жизнь от дома, как наседка от гнезда, не отходила, детей нянчила, мужу угождала, добро стерегла. И ты то же должна делать...

Но, как всегда, гнев, возмущение подымались в дочери от этих слов. Нет, не хочет она такой судьбы! Не будет она, как наседка, стеречь свое гнездо! Пусть она девка, но она хочет быть и будет свободной! Во что бы то ни стало!

Надя стиснула зубы, повернулась, чтоб выйти, и в дверях столкнулась с отцом.

Андрей Васильевич Дуров, получив в Сарапупле городничество, начал уже полнеть и раздаваться вширь. Но по его молодежавшей походке, по манере очень прямо держать спину и крутить седеющие усы можно было сразу узнать старого гусара. Однако сейчас у старого гусара был далеко не молодецкий вид. Он знал, что ждет его в комнате жены, и потому заранее придал своему лицу самое нежное и заискивающее выражение.

— Здравствуй, душа моя! Как спала? Как твоя голова? Вечеру ты, помнится, жаловалась на голову, — сказал он, целуя руку жены и делая вид, что не замечает ее расстроенного вида.

Надежда Ивановна отняла руку.

— Вот, сударь, извольте полюбоваться на свою любимицу, — жестко сказала она, схватив

Надю за плечо и подводя ее к отцу: — опять пропала все утро с дворовыми ребятами. Вместо того чтобы сидеть за пядьцами, как полагается девице хорошего дворянского рода, она, изволите видеть, в цель из пистолета стреляет, по деревьям лазит, с крыши прыгает.

— С крыши? С какой же это? — с живостью спросил городничий, и на миг лицо его стало похожим на лицо озорного мальчишки.

— Со старой бани, — шепнула Надя, ласково поглядывая на отца.

Они были настоящими друзьями, и Надя знала, что отец явился выручать ее.

— С бани? Ай да Надежда! — воскликнул было городничий, но тут же поправился: — Ай, как нехорошо, брат Надежда!

— А все ваше воспитание, — язвительно сказала Надежда Ивановна. — Полковые развлечения... Сдали девочку на руки грубого, неотесанного татарина, теперь пеняйте на себя!

Надя побледнела. Она хладнокровно выслушивала какие угодно упреки матери, но слышать, как мать бранит Ахметова, ее замечательного дядьку-гусара, этого Надя не могла вынести. В ее памяти мелькнуло широкое рябоватое лицо Ахметова, очень ласковое, с чудесными белыми зубами и маленькими веселыми глазками. Ей слышался его тонкий голос: «На конь сиди, носки уверх тащи, каблука униз тащи, баришна».

И вспомнив этот ласковый голос, Надя решительно подняла голову и прямо взглянула на мать.

— Маменька, — сказала она глуховато, — маменька, вы Ахмета не троньте. Он друг мне. Я всегда Ахмета помнить буду.

— Что? Что? Ты матери указывать вздумала? Да как ты смеешь, негодница?! — вспыхнула Надежда Ивановна. — Мало я от тебя терпела, так теперь еще ты меня учить будешь? Прочь, прочь отсюда, с глаз моих! — закричала она, бросаясь на постель и мгновенно начиная рыдать.

Андрей Васильевич схватил флакон с солями.

— Успокойся, душа моя, не расстраивайся... Опять головка заболит.

— Запереть ее, эту негодницу... — рыдала Надежда Ивановна, — на хлеб ее, на воду посадить...

Городничий почти вытолкнул Надю из комнаты. Он, как всегда в таких случаях, был смущен и виновато поглядывал на дочь.

— Придется уж запереть тебя, брат Надежда, — сказал он, стараясь говорить шутливо. — Надерзила матери, теперь терпи, казак.

Позади большого дома стоял флигель, обведенный кругом террасой. В этом флигельке помещались дети: Надя, ее две сестры и маленький братишка Вася.

Под конвоем отца Надя прошла мимо сестер и брата. Обе девочки, беленькие, в чистеньких платьицах, сидели на террасе за рукоделием и с ужасом проводили глазами старшую сестру; зато Вася смотрел на нее с восхищением. «Наказывать ведут, а она и не думает реветь. Вот молодчина!» говорил его взгляд.

И вот Надя заперта у себя в мезонине. Старинное темное зеркало на комодѣ, узкая белая постель и гусарский палаш у изголовья. Надя смотрит на палаш, потом выглядывает в открытое окно. В окно видны далекие луга, серые деревни, медленно текущая Кама — широкая, вольная русская земля. Ветер врывается в комнату, шевелит ветки сирени под окном. Надя берет гусарский палаш, на секунду призадумывается, упрямо встряхивает головой и легко выпрыгивает из окна.

3. ПЛАТЬЕ НА БЕРЕГУ

Алкид взмок и потемнел от пота. Бронзовая шерсть его так и лоснилась. Еще бы: сколько верст проскакали сегодня они — конь и всадник, сколько канав перепрыгнули, сколько речек переплыли!

Наступал вечер. На Старцевой горе еще стояло солнце, а внизу, под горой, уже стлался туман,

в голубоватую тень пряталось Прикамье, и ветер доносил оттуда сырую прохладу.

Всадник с жадностью глотнул этот прохладный воздух. Он тоже был разгорячен скачкой по горам и полям. Его смуглое лицо разгорелось, ноздри раздувались, глаза блестели.

Странный это был всадник! Синий казацкий чекмень плотно охватывал тонкую юношескую фигуру. Из-под чекменя виднелись широкие суконные шаровары, вправленные в высокие сапоги со шпорами. Алая рубашка и мохнатая казацкая шапка дополняли наряд всадника. В седле он сидел покойно и привычно, расправив плечи и слившись со своим конем; видимо, верховая езда была его стихией. Но руки всадника, крепко державшие повод Алкида, были удивительно малы, а из-под шапки выбивалась темная коса и лежала жгутом на синем чекмене. И посмотрев пристальней на скуластое упрямое лицо всадника, всякий непременно узнал бы в нем девочку с гусарским палашиком, Надю Дурову.

С того утра, когда наказанная Надя была заперта в комнату, прошло несколько лет. Из девочки-подростка она превратилась в худенькую ловкую девушку с крепкими руками, метким глазом и сильным характером. Но она осталась все той же Надей Дуровой: дома так же отстаивала свою свободу, так же убегала от скучных рукоделий в поле, в сад, на реку. Отец на именины подарил

ей карабахского коня Алкида и седло, крытое алым вальтрапом¹. И теперь Надя уносилась на своем коне далеко-далеко от города, в глухие прикамские леса, туда, где, по слухам, прятались знаменитые разбойничьи шайки атамана Куровского. Ей было смешно смотреть на своих сверстниц — сарапульских девиц. Те падали в обморок, увидев паука, и визжали от страха, проходя мимо кладбища.

Алкид шумно втянул ноздрями воздух, поднял уши стрелками и вдруг заржал.

— Что ты, Алкидушка? Кого ты почувал? — спросила Надя, ласково похлопывая коня.

Как бы в ответ на ее вопрос, снизу, из-под горы, раздалось ржание многих коней, ветер донес стук копыт и знакомую песню:

Уж ты, конь, ты, мой конь,
Душа — добрый конь,
Конь — товарищ верный мой,
Ты лети, конь, домой,
К отцу, к матери родной,
Ты скажи, мой конь, —
Умирает казак
За Кубанской горой...

«Казачи! — встрепенулась Надя. — Я и забыла, что сегодня казачий полк уходит из Сарапуля». Она приложила руку к глазам и силилась рассмотреть там, в синей дымке, уходящий полк.

Ей сделалось вдруг грустно до слез: вот люди

¹ В а л ь т р а п — плотная ткань.

уезжают, их ждет такая увлекательная походная жизнь, ночевки на бивуаках у костров, с седлом вместо подушки под головой, с военными ученьями и смотрами. А там, может быть, и война начнется. В разговорах городничего все чаще появлялось имя страшного корсиканца. Французы забыли урок, который дал им Суворов, — говорят, Наполеон угрожает России. Казаки лихой народ, и полк их, наверное, первым пойдет в бой. Их ждет слава, подвиги, благодарность всех русских...

«А я? Что буду в это время делать я, дочь городничего? — с горечью думала Надя. — Сидеть в беседке, бренчать на гитаре чувствительные романсы? Или, выйдя замуж за помещика, сечь крепостных, бить по щекам дворовых девушек?..»

Слезы выступили у ней на глазах.

— Нет, не будет этого! — закричала она так, что вздрогнул Алкид и эхо разнесло ее голос. — Кровью моей клянусь, не будет!..

Казацкая песня замирала вдали. Опустив поводья, Надя понуро возвращалась домой, и Алкид, словно чувствуя настроение хозяйки, уже не играл и не горячился, а шел мерным тяжелым шагом, как грустный и усталый человек.

Отдав коня мальчишке-конюху, Надя хотела незаметно проскользнуть к себе в мезонин. Но ее, очевидно, караулили. Едва она вошла в сени,

как откуда-то вынырнул еще более постаревший за эти годы Перфишка.

— Ох, и заждались вас, матушка барышня, — сказал он взволнованным шопотом. — К маменьке пожалуйте, они вас весь вечер ожидают. Даже ужинать не изволили...

— Ужинать не изволили? — удивленно повторила Надя. — Отчего бы это? Случилось что-нибудь? Ты не знаешь, дядя Перфилий? — обратилась она к денщику.

— Откуда мне знать, барышня, нам ведь господа не сказывают, о чем они меж собой толкуют, — с сердцем сказал Перфишка. — Да переоденься-ка ты, Наденька, штаны-то сыми, а то как раз осерчают, — добавил он совсем другим, отеческим тоном.

— Сейчас переоденусь, не ворчи, старик, — ласково кивнула ему Надя и, звеня шпорами, побежала по лестнице.

Спустя четверть часа в комнату госпожи Дуровой входила ее старшая дочь Надежда, худенькая грациозная девушка в светлом барежевом платье с высокой талией и уложенной вокруг головы толстой темной косой. В руках девушка держала книжку и кружевной платочек, глаза ее были скромно опущены — словом, на вид старшая дочь госпожи Дуровой была самая благонаправная и чинная девица. И только пылающие щеки да шальная прядь волос, никак не желав-

шая спокойно лежать в прическе, разоблачали Надю Дурову, выдавали ее с головой.

Надежда Ивановна, постаревшая за эти годы, но все еще красивая, поднялась навстречу дочери с кресла.

— Наконец-то пожаловала, — сказала она тем холодным, неприязненным тоном, которым всегда говорила со старшей дочерью. — Опять с утра до ночи, как псарь, по полям гоняешь. Наказал же господь такой дочкой!

Надя переминалась с ноги на ногу. Она заранее знала, что скажет мать. Каждый раз, когда она возвращалась после своих прогулок на Алкиде, ее ждали все те же упреки за своеволие, за неприличные для девицы вкусы и поведение.

Но на этот раз в голосе матери звучало что-то новое, какое-то скрытое торжество, и Надя удивленно прислушалась.

— Услышал царь небесный мои молитвы: нашелся человек достойный, хоть и не в больших чинах, сватается к тебе, — говорила мать. — Ох, отдохну я, как сдам ему тебя с рук на руки! Пускай он тебя сам теперь под замок сажает.

Надя стояла, еще ничего не понимая, но уже смутно тревожась.

— Сватается? Ко мне? — переспросила она, наморщив высокий лоб.

Ей вдруг показалось, что мать хочет просто подшутить над ней.

Однако Надежда Ивановна была меньше всего склонна к шуткам.

— Именно к тебе сватается, сударыня, — сердито отозвалась она, — не боится человек из-за тебя посмешищем сделаться, на весь город свое имя ославить.

— Да кто же это, маменька?

— Чернов Василий Степанович, вот кто! — торжественно объявила мать. — Радуйся, глупая, что такой достойный человек захотел на тебе жениться, не посмотрел на твои гусарские замашки.

Достойный человек! Надя тихонько ахнула. Да, она хорошо знала Чернова, заседателя земского суда, толстого, ехидного, похожего в своем засаленном кафтане на отъевшуюся крысу. Еще совсем недавно отец про Чернова говорил, что он крючок и взяточник, с бедноты семь шкур дерёт.

И ее, Надю, хотят выдать замуж за этого человека! Замуж? Значит, прощай навек свобода, мечты о далеких путешествиях, о боевой жизни, о славе! Значит, прости-прощай березовые роши, перелески, свист ветра в ушах, когда мчится Алкид меж зеленых полей; прости-прощай все то, что Надя любит, о чем мечтает по вечерам в своей светелке!

Смятение, отчаяние, гнев смешались, закипели, забушевали в девушке.

Между тем мать, стараясь не глядеть на Надю, продолжала:

— Завтра обручение. Да и со свадьбой мешкать нечего. Я уже послала нарочного в Вятку за атласными башмаками для тебя. Платье сошьем, да и под венец. А то, неравно, жених одумается, отказ пришлет...

Надя упала к ногам матери, схватила ее за руки.

— Маменька, — отчаянно закричала она, — маменька, не губите меня! Маменька, я ни за кого не пойду замуж!..

— Не хочешь замуж? Не пойдешь? — Мать оттолкнула Надю. — Что ж, так весь век и будешь не то девка, не то мужик? На шее у отца с матерью, так, что ли?

И так как Надя плакала не отвечая, мать сказала тише:

— Не дури, Надежда. Никто тебя губить не собирается. Чернов человек богатый, дом у него — полная чаша, всему ты будешь хозяйкой. Иди посмотри, какие жених тебе подарки прислал — чудо! Мне твой отец таких не подносил.

Надя подняла на мать умоляющие, залитые слезами глаза:

— Маменька, сжальтесь!

Но мать уже начинала снова сердиться:

— Вздор! Изволь прекратить это, сударыня! Отец с матерью тебе добра желают!

Дрожа от обиды и гнева, Надя выбежала из комнаты матери. Последняя надежда — на отца. Он должен защитить свою любимицу, он сумеет уговорить мать.

Надя бросилась в отцовский кабинет. Но в кабинете Андрея Васильевича оказался один Перфишка.

Сняв со стены любимое городничим старинное оружие — кривые турецкие ятаганы, дедовские сабли, тяжелые кремневые пистолеты, старый денщик с мрачным усердием чистил их толченым кирпичом и мелом. По напряженному красному лицу Перфишки, по той свирепости, с которой он тер золоченый тесак, Надя поняла, что денщик уже все знает и жалеет ее.

— Папеньку ищите? — не дожидаясь вопроса, сказал Перфишка. — Его высокородие еще с утра в объезд уехали.

Уехал! С утра уехал! Надя стиснула зубы. Она поняла, что отец уехал нарочно, чтобы избежать встречи с ней. Значит, он уже пробовал отстоять Надю и ничего не вышло — мать сумела сделать по-своему.

Надя схватилась рукой за косяк двери, ноги ее вдруг ослабели. Машинально смотрела она, как денщик дышит на лезвие сабли и потом протирает ее тряпкой. Сабля была с детства знакома Наде, ее подарил деду за взятие Измаила сам

Суворов. И трогая эту саблю, девушка всегда чувствовала невольное благоговение.

— Дай мне саблю, дядя Перфилий, — сказала она вдруг.

Перфилий поднял голову, взглянул на свою барышню.

— Зачем тебе, неумная?

— Надо, — коротко сказала Надя.

Прикосновение к холодной стали, знакомое ощущение эфеса в руке сразу подействовало на девушку успокоительно. Надя вдруг почувствовала себя тверже, уверенней, смелей.

— Вон на столе шкатулка лежит, велено вам передать, — проворчал Перфишка. — Жениховы подарки! — и презрительно встряхнув шкатулку, подал ее Наде.

Так, с саблей в одной руке, со шкатулкой в другой, Надя Дурова поднялась к себе в мезонин.

Было уже совсем темно. В открытое окно тянуло запахом скошенного сена, где-то сонно лаяли собаки, городок засыпал.

Надя засветила свечу на комод, открыла большую полированную, с украшениями из перламутра шкатулку.

Внутри на розовом атласе лежал золотой туалетный прибор: баночки для белил и румян, пудреница, флаконы для духов, миниатюрные нож-

ницы, игольник — все для женщины домоседки и щеголихи.

Надя гневно захлопнула шкатулку. Нет, это не для нее!

Она высунулась в окно, прислушалась. Над садом стояла ночь, стрекотали кузнечики. Луны не было, мгlistые облака заволакивали небо. В доме все успокоилось, даже в окнах матери не было света — значит, спит.

Дрожа от волнения, девушка сбросила с себя платье, юбку, башмачки. Теперь скорей — шапку с алым верхом, чекмень, шаровары! Но как же быть с волосами? Толстая коса спадает с плеча, ее под шапку не спрячешь.

Не раздумывая, Надя вытащила саблю из ножен. Сильный взмах руки — и коса падает на пол.

Надя подносит свечу к зеркалу. На нее глядит новое, незнакомое лицо — бледное, гордое, упрямое. Кто узнает в этом молодом казаке девушку!

Но некогда долго разглядывать себя. Опясавшись суворовской саблей, подхватив сверток с платьем и башмаками, Надя спускается вниз. Как тень, проскальзывает она во двор; в прихожей, в людской, в кухне все спят.

Вот и конюшня. Темно, тепло пахнет лошадыми, навозом, размоченным овсом.

— Алкидушка! Недолго пришлось тебе отдыхать!

Чуть слышно радостно ржет конь. В темноте умелые маленькие руки седлают его, выводят со двора, ведут к берегу Юрманки.

От реки подымается белесый туман. Девушка в чекмене дрожит не то от холода, не то от волнения. Платье, юбка — все брошено на берегу, на видном месте. Всадник уже на коне. Последний горький взгляд на темный отцовский дом наверху. Тяжелые слезы подступают к горлу. Нет, плакать нельзя!

— Вперед, Алкид!

С этой ночи нет больше Нади Дуровой. Строптивая дочь городничего утонула в быстрой омутистой Юрманке.

4. ТОВАРИЩ СОКОЛОВ

Точно маки расцвели на деревенской улице: у каждого палисада, у каждой избы виднелись алые верха казацких шапок. Казачий полк, направлявшийся к западной границе, расположился на недолгую стоянку.

Смуглые, чубатые, с серебряными серьгами в ушах, казаки чистили коней, болтали с деревенскими красавицами или, собравшись в кучки, толковали о предстоящем походе.

Молодежь окружила старого Чурилку — казака, ходившего с Суворовым в Италию — и спрашивала его о том человеке, чье имя гремело на весь мир.

— А самому тебе случалось видеть Бонапарту, дядя Чурилка? Страшный он? — допытывались казаки.

Чурилка приминал пальцем табак в трубке.

— Самому видеть не довелось, а слышать много про него слышал, — задумчиво говорил он. — Умный, дюже умный, собака. Только наш Александр Васильич куда умней против него оказался. Что мы этих бонапартовских в Альпах переколотили, страсть! Сам Бонапарте про нашего Суворова сказал: «Лев, говорит, а не человек...»

— Слышно, к нам теперь Бонапарта подбирается, — вставил кто-то из молодых казаков, — хочет всю Расею себе покорить.

Чурилка с сердцем выколотил трубку о сапог.

— Дура, ну и дура! — с негодованием сказал он. — Чего выдумал: Расею покорить! Что ж, глупый, что ли, Бонапарте? Не понимает он, что ли, что нельзя нашу Расею победить? Непобедимая она; как стояла, так и будет стоять.

— А вот помяни мое слово, дядя Чурилка, пошлют нас француза рубать, — опять сказал молодой казак.

Чурилка плюнул, хотел что-то ответить, но

внимание его привлек лошадиный топот. От околицы мчался с развевающейся гривой великолепный конь, неся на себе стройного всадника в казацкой форме с серебряной саблей у пояса. Доскакав до группы казаков, всадник, смуглый юноша с запыленным, обветренным лицом, осадил коня и обратился прямо к Чурилке:

— Где стоит ваш полковник?

— Ай да конь! Вот так конь! Такому коню цены нет! — загудели казаки, любясь замечательным скакуном.

— Вон в той избе его высокоблагородие квартируют, — сказал, вставая, Чурилка. — А ты чей будешь, малый?

Молодой казак не успел ответить. На крыльце избы появился сам полковник, высокий, с опущенными длинными усами. За ним шел молодой адъютант.

— Взгляните, Николай Степанович, какой замечательный конь вон под тем молодым казаком! — воскликнул адъютант. — Ей-богу, настоящий карабах!

— Чистокровный, — подтвердил полковник, окидывая Алкида взглядом знатока. Он крикнул всаднику: — Эй, которой ты сотни?

Надя спрыгнула с коня и, подойдя к полковнику, отдала честь.

— Я еще не числюсь ни в одной сотне,

господин полковник. Я приехал просить вас как о милости — зачислить меня в полк.

Седоусый полковник удивился.

— Почему же ты нигде не числишься?

— Не имею права.

— Отчего не имеешь права? — сдвинул брови полковник. — Ведь ты казак? — Он пожал плечами и обернулся к адъютанту, как будто призывая его в свидетели.

— Нет...

Голос молодого казака срывался от волнения. Полковник глядел все суровой. Неизвестный юноша начинал казаться ему подозрительным: уж не беглый ли? Может, провинился у себя в полку, сбежал от наказания и теперь хочет примазаться к другой части.

— Кто ты таков? Откуда? — отрывисто спросил он.

— Я сын гусара, хочу вступить в военную службу против родительской воли, — высказала Надя заранее заготовленное объяснение. — Отец и мать не хотели пускать меня в полк, а мне нет и не может быть иной дороги, кроме военной. Я прошу вас позволить мне дойти с вашим полком до места, где квартируют регулярные войска. Там я поступлю в один из наших полков товарищем...

Полковник продолжал хмуриться и раздумывать, не подозревая, как мучительно его молча-

ние для молодого казака. Ведь от его ответа зависела вся дальнейшая судьба Нади Дуровой. К тому же нерешительность полковника начинала казаться Наде обидной, почти оскорбительной.

— Если вы не примете меня к себе, я найду другой способ присоединиться к армии, — сказала она запальчиво, сердито блеснув глазами на обоих офицеров.

Вероятно, именно эта запальчивость сослужила службу Наде, потому что полковник вдруг усмехнулся и посмотрел на молодого казака по-другому.

— Ишь, как разговаривает, — сказал он ворчливо, — совсем будто он командир, а я его подчиненный. Что ж, кажется, этот молодец говорит правду, — обратился он к адъютанту.

— Я бы мог поручиться за него, — с живостью сказал адъютант. — Вы посмотрите на его лицо, Николай Степанович, разве он может врать? Возьмите его к нам; ручаюсь, что родители его будут вам благодарны за то, что вы не пустили их сына странствовать одного...

Полковник повернулся к Наде.

— А позволь спросить тебя; молодой человек, для чего ты так стремишься в военную службу? — И он проницательно поглядел на молодого казака.

Казак ответил ему открытым, твердым взглядом.

— Я русский, полковник, я люблю мою родину, мой народ и хочу сражаться за него.

Полковник подергал себя за ус, промычал что-то одобрительное. Этот мальчик в казачьей форме решительно начинал ему нравиться.

— Хорошо, молодой человек, я возьму тебя к нам в полк, — сказал он. — Но мы идем на запад, к границе. Может быть, это тебя пугает?

Лицо молодого казака просияло.

— Пугает? Да я только и мечтаю о той минуте, когда смогу сразиться с Бонапартом! — Он взмахнул сжатым кулаком. — Там, на западе, я слышал, собираются войска. Значит, возможно, ждут военных действий? — И он с надеждой взглянул на полковника.

— Не знаю, не слышал, — сухо отвечал старый служака. — Кстати, молодой человек, ты еще не сказал нам своего имени.

Надя Дурова опустила голову. Ее бросило в жар. До сих пор в том, что она сказала полковнику, не было ни одного слова неправды. А теперь ей нужно обмануть, солгать. Вся честность и прямота Нади восставали против этой лжи. Но другого выхода не было.

— Моя фамилия Соколов, — пробормотала она сквозь зубы первую попавшуюся фамилию.

— А имя, отчество? — продолжал допытываться полковник.

«Надя», чуть было не сказал молодой казак, но во-время остановился. В смущении теребил он саблю у пояса. Имя? Какое же назвать имя? И вдруг взгляд Нади упал на саблю. Вот оно, имя, которое она будет носить!

— Зовут меня Александр, по бабушке Васильевич, — сказал молодой казак, горделиво откидывая голову.

— Значит, тезка Суворова, — одобрительно кивнул полковник. — Ну, Александр Васильевич, ступай пока в третью сотню, познакомься с товарищами. А через час мы выступаем.

Первый человек, попавшийся по дороге в сотню Александру Соколову, был Чурилка.

Покачиваясь на выгнутых кавалерийских ногах, Чурилка подошел к молодому казаку и, широко ухмыляясь, заглянул ему в лицо.

— К нам в сотню, значит? Вместе кашу варить, вместе и хлебать, — весело сказал он.

Надя кивнула. Ей очень понравился этот седой бывалый казак с серебряной серьгой в ухе.

— И кашу вместе хлебать и драться вместе, дядюшка, — с живостью отвечала она.

Старый Чурилка крикнул, хлопнул ее по плечу.

— Молодой, а удалый! Добрый воин из тебя получится, парень!

5. НА ПЛАЦУ

— Справа по одному заезжай! Первый выпад!
Делай — раз!

Дубовая пика с гуденьем вертится над головой. Рука дрожит и, кажется, вот-вот сломается под тяжестью пики. Болит голова под твердой каской, ноги точно прикованы к земле грубыми пудовыми сапогами с огромными брэнчащими шпорами.

— Эй, Соколов, чего нос повесил? Ходи веселей!

Соколов вздрогнул, отдал вахмистру честь, подтянулся.

Нет, никогда не думала дочь сарапульского городничего, что солдатская служба дается с таким трудом. С детства Надя закаляла себя, приучала не бояться ни холода, ни жары, ни долгих поездок верхом, ни длинных пеших переходов. Она считала себя сильной, выносливой, закаленной. Но то, что она встретила в армии, намного превышало ее силы.

С казачьим полком Александр Соколов добрался до города Гродно. В Гродно стояло несколько кавалерийских полков. Всюду рыскали вербовщики, набирали добровольцев в Коннопольский уланский полк, потерявший много людей при Аустерлице. Соколов направился к командиру коннопольцев. Его приняли с ра-

достью, хотя у него не оказалось никаких документов, и зачислили в полк товарищем, то есть рядовым.

Вместе с другими новичками молодой улан должен был пройти военное обучение.

Чуть свет — в сборню, где старый преподаватель солдатской премудрости заставлял новичков повторять устав. Потом в конюшню, на плац, на стрельбище. С зари до заката Надю учили маршировать в чугунных солдатских сапогах, по колено в грязи, стрелять, рубить, владеть пикой и саблей, чистить и вычесывать коня. С зари до заката слышала она над собой строгий голос вахмистра Сергеева: «Не зевать по сторонам! Равнение налево! Ать, два! Ать, два!»

От солнца и ветра, от воинских трудов лицо Нади Дуровой загорело, покрылось темным загаром. Соколову выдали шерстяные эполеты, каску с султаном, пику, белую перевязь с подсушком, наполненным патронами. И теперь никто, наверное даже сами родители и те в этом исправном молодом солдате не узнали бы Надю Дурову.

Крупные капли пота выступили на лбу улана. Тяжело дышала грудь, ноги дрожали и подгибались. Бедные ноги, как они распухли от грубой обуви, как им больно! Надя с трудом подавила стон. Нет, она не будет стонать, она пересилит боль и усталость, она победит себя!

И молодой улан расправил плечи и горделиво

посмотрел вокруг затуманенными от боли глазами.

Но в жизни солдата Соколова появилось нечто такое, что заставляло забывать и непосильную муштру и страшное утомление. Это было новое и захватывающее ощущение полной свободы. Только теперь, в полку Надя почувствовала себя по-настоящему счастливой. Все в ней ликovalo, пело, кричало: «Свободна! Свободна! Вольная птица! Никогда больше никто не посмеет сказать: «Ты девка, сиди дома, тебе неприлично ходить одной».

Каждое утро девушка просыпалась с живой мыслью: «Наконец мечты мои осуществились! Я воин, коннополец, ношу оружие, и, сверх того, счастье поместило меня в один из храбрейших полков нашей армии».

И от этих мыслей исчезала усталость, легко взлетала над головой пика, и строгий вахмистр одобрительно кивал Наде.

— Молодец, Соколов! Лихим уланом будешь.

Внезапно вахмистр на плацу перестал подавать команду. Он обернулся и смотрел на площадь позади себя. Там, по площади бежал человек в уланском мундире. Он бежал, крича что-то и размахивая на бегу какой-то бумагой.

Вот человек ближе, вот уже можно рассмотреть, что это взводный эскадрона, поручик Шумский.

— Ребята, все на площадь, к губернаторскому дому! — задыхаясь от бега, прокричал Шумский. — Война, ребята! С Наполеоном драться идем! Скорей, сейчас объявят циркуляр императора.

— Ур-ра-а! — пронеслось по рядам новичков, и, грохоча сапогами, они бросились вслед за взводным на площадь.

Соколов неся впереди всех. Радость так и распирала молодого улана. Ему хотелось кричать, прыгать, бесноваться от счастья! Вот наконец то, о чем он мечтал всю жизнь! Вот она, торжественная минута!

— Поздравляю полк с походом, — сказал командир. — Завтра выступаем за границу.

Он коротко объяснил, что Наполеон захватил почти всю Пруссию, что Россия заключила с Пруссией союз и идет ей на помощь.

— Суворов уже показал однажды Наполеону, что такое русский солдат, теперь мы должны упрочить славу русского оружия, — так закончил свою речь командир.

В эту ночь в окне халупы на окраине города, где квартировали новички-коннопольцы, долго горел свет. У стола, перед зажженной свечой, склонясь над листом бумаги, сидел Александр Соколов. Он писал письмо. Лицо его было заплакано.

«Милый и дорогой папенька!» — так начиналось письмо.

В письме этом Надя сообщила отцу, что служит в Коннопольском полку под именем Соколова, просила простить ее побег, дать ей благословение и позволить ей идти тем путем, который необходим для ее счастья.

Слезы все сильнее капали на бумагу. Была уже ночь.

— Соколов, гаси свечу, спать пора, завтра в поход, — сказал вошедший дежурный.

Молодой улан украдкой отер глаза и, запечатав письмо, погасил свет.

6. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Заиграли кони, удила грызут,
Чуют, что гусаров удалых везут,
Чуют, что недаром гром гремит с утра,
Чуют, что гусарам в бой идти пора...

Песня была лихая, походная, с дробным плясовым припевом, с присвистом. Но коннопольцы пели ее скучно, без всякого воодушевления. Люди и кони устали от долгого трудного перехода из России в Пруссию. Был конец мая, а погода стояла сырая, туманная, с дождями и резкими ветрами. Полк шел почти не останавливаясь, его торопили.

Осенью 1806 года Наполеон одержал решительную победу над пруссаками под Иеной. После этой победы вся Германия до Эльбы была занята французами. Прусский двор бежал в Кёнигсберг. Тогда Александр Первый, заключивший с Пруссией союз против Наполеона, послал навстречу французам две армии под командованием Беннигсена.

Зима прошла в жестоких боях русских с французами. На этот раз Наполеон не мог похвалиться блестящими победами: русские дрались упорно, отстаивая каждый клочок земли. К весне французскую армию пришлось отвести за реку Пассаргу; Наполеон оставил только один корпус Нея у крохотного прусского городка Гутштадт. Здесь, у Гутштадта, и решил атаковать французов Беннигсен, надеясь разбить корпус Нея до того, как подоспеет к нему подкрепление.

Враг был близко, коннополюцы получили приказ от своего командира, генерал-майора Каховского, идти скрытно, без песен, на дневках костров не разводить, обернуть копыта лошадей соломой и вообще раньше времени, то есть до боя, не выдавать своего присутствия. Уланы окончательно приуныли: теперь нельзя было даже обсушиться и поесть горячего.

С края первого полувзвода в лейб-эскадроне ехал молодой улан Соколов. Долгие дни в седле, без сна, почти без пищи, в намокшей одежде

утомили даже привыкших к тяжелым переходам улан и совсем доконали новичка. На Надю Дурову было страшно смотреть: бледная, с запекшимся ртом и зававшими, горячечными глазами, она еле держалась в седле.

«Спать! Спать! Хоть на минуту забыться, уснуть, не чувствовать под собой эту колеблющуюся, ходуном ходящую лошадиную спину!» жадно мечтала она.

Мысли путались. Ряды улан с пиками казались ей лесом, сосновый лес — уланами. Надя вытасила из ножен саблю, посмотрелась в полированную сталь. Оттуда глянуло чужое, одичалое лицо.

Между тем вокруг нее уланы, несмотря на усталость и голод, покуривали, подтрунивали друг над другом, переговаривались вполголоса. Как мучительно завидовала девушка мужской выносливости! Неужели ей, Наде Дуровой, никогда не удастся переломить себя, превозмочь проклятую женскую слабость?! Нет, удастся, должно удастся!

«Я так хочу», твердила она себе, вкладывая в эти слова всю свою волю, гордость, упорство. И она выпрямляла спину, оглядываясь украдкой на улан: не заметили ли ее понурого вида, не смеются ли над новичком Соколовым.

Но уланам было не до того: Гутштадт, местечко мирного вида, с череничными крышами и фон-

танчиками на каждой площади, остался позади. Полку было приказано занять позиции на поле вблизи местечка и ждать дальнейших распоряжений. Но уже от ближнего леса, едва видного сквозь туман, слышался какой-то гул, пелена тумана там сгустилась, потемнела.

Вдруг оттуда, из темной гущи, вырвался какой-то огненный кубарь. Он с грохотом упал на землю невдалеке от коннопольцев, завертелся и разорвался на тысячи кусков. Земля дрогнула. Кубарь был словно сигналом к началу боя: все поле сразу ожило, задымилось, загрохотало.

— Орудия, вперед! — раздалась команда.

Потные, с надувшимися на лбу жилами, артиллеристы протащили мимо коннопольцев пушки. Улан отвели несколько назад, в неглубокую ложбинку, куда не долетали ядра французов: там они должны были дожидаться приказа вступить в дело. Люди спешились, мундштучили и управляли коней. Кони, чувствуя близость боя, горячились, перебирали ногами и коротко, взволнованно ржали.

Обмотав вокруг руки повод Алкида, который грыз мундштук, нервничал и рвался вперед, едва ли не больше всех остальных лошадей, Надя ошеломленно глядела на поле боя. Над битвой стоял чудовищный шум и грохот. Тревожный и взвизгивающий барабанный бой, пальба артиллерии, рев летящих ядер, отрывистые выкрики бой-

цов, звон клинков, вопли раненых... Дурова видела впереди серое, задымленное поле, по которому скакала наша и неприятельская конница и сверкали штыки пехоты. Русские, видимо, настойчиво нажимали, но и французы защищались отчаянно: в тылу у корпуса Нея была река, ему некуда было отступать.

Надя дрожала с головы до ног, но не от страха, а от нового, никогда не изведенного чувства азарта, нетерпения, страстного желания поскорее ринуться вперед, врезаться в самую гущу боя.

Куда девались ее усталость, голод, сон! Молодой улан будто переродился, и неизвестно было, кто больше рвется в сражение — конь Алкид, грызущий удила, или его хозяин.

Эскадронный, командир хладнокровный, спокойный в сражении, как на обеде, невольно обратил внимание на лицо юного солдата в первом полувзводе — такое это было страстное, упорное, грозное в своей силе лицо. Он подозвал солдата к себе.

— Соколов? Что, брат, кажется, тебе сегодня предстоит боевое крещение? — Он усмехнулся в усы. — Вижу, не терпится тебе ввязаться в драку.

Соколов отвечал невпопад. Он не отрывал глаз от поля.

— На-конь! — гулом пронеслось по рядам.

Уланы вскочили на коней. Горнист протрубил атаку. Прижав уши к голове и кося горячими

глазами, лошади вынесли всадников в самое пекло. Шли в атаку поэскадронно. И впереди всех, бешено размахивая саблей, улан Соколов мчался на своем Алкиде.

В азарте боя Надя видела крупы и гривы чьих-то коней, перекошенные лица врагов, она наносила и отражала сабельные удары, она кричала что-то злобно-восторженное и неслась все вперед и вперед.

Потом ее эскадрон откатился к ложбине, и она, оторвавшись от него, снова бросилась в атаку, уже с другим эскадронном. В полку было шесть эскадронов, и с каждым ходил в атаку молодой улан Соколов. Это было против всяких правил, но Надя не знала воинских порядков, она только следовала своему внутреннему влечению и удивлялась, когда на всем скаку чужие вахмистры кричали ей:

— Проваливай отсюда! Зачем ты с нами скачешь?

Внезапно сквозь дымную пелену, висящую над полем, Надя увидела, как несколько неприятельских драгун окружили русского офицера. Они сбили его пистолетным выстрелом с лошади и кинулись на лежащего с обнаженными саблями.

— Стой! — не своим голосом закричала девушка и, дав шпоры Алкиду, с пикой наперевес ринулась на врагов.

Должно быть, в этот миг у Дуровой было

страшное лицо, потому что кто-то из драгун вскрикнул:

— C'est le diable même! Sauvez-vous! ¹

И, оставив свою жертву, они бросились удирать.

Надя подъехала к офицеру. Это был совсем еще молодой человек в мундире Финляндского полка. Он лежал, не открывая глаз: повидимому, был серьезно ранен.

Надя сошла с коня и спросила, склонившись над раненым:

— Не хотите ли сесть на мою лошадь?

Жалость наполнила ее сердце.

— Ах, сделайте милость, друг мой, — отвечал едва слышно офицер.

Тогда Надя попыталась поднять его на Алкида. Это оказалось ей не под силу. Кровь офицера залила ей мундир. Она снова опустила раненого на землю, растерянная, готовая заплакать от собственной слабости. Оставить его здесь одного, истекающего кровью, беспомощного? А вдруг враги снова вернутся, прикончат его? Нет, нет, нельзя его оставлять!

На счастье, невдалеке вдруг появился солдат того же Финляндского полка. Надя позвала его. Он подъехал ближе, помог молодому улану посадить офицера на Алкида, сказал, что это

¹ Да это сам черт! Спасайтесь!

Панин, их поручик, что коня Соколову вскоре пришлют, и уехал, держа Алкида на поводу.

Начинало темнеть. Надя осталась на поле боя одна, без коня, не зная, на что решиться. Нужно было идти искать свою часть. Медленно, усталым шагом она двинулась по разрытому снарядами полю. Навсегда запомнился ей этот путь смерти.

Только к ночи она нашла свой эскадрон и явилась к командиру смертельно бледная, в залитом чужой кровью мундире. Соколова в эскадроне уже считали погибшим. Эскадронный не знал, что делать: следовало бы наказать улана за нарушение дисциплины — Соколов ходил в атаку со всеми эскадронами и посреди сражения отдал своего коня в чужой полк. Но на лице молодого воина выразалось так ясно все, что он пережил за этот день, что эскадронный командир отвернулся и буркнул в усы:

— Ступай к кашевару, скажи, что я велел дать тебе двойную порцию каши.

7. ПОД ФРИДЛАНДОМ

Сражение при Гутштадте стоило Нею полутора тысяч солдат. Корпус его был сильно потрепан, но все же остался на том же берегу реки. Если бы Беннигсен предпринял ночную атаку, он, по всей вероятности, загнал бы солдат Нея

в реку. Но Беннигсен, робкий и неспособный полководец, побоялся таких решительных действий. К тому же до него дошел слух, оказавшийся вскоре ложным, что Наполеон спешит к Нею с подкреплением. Итак, Беннигсен приказал отогнать французов на левый берег, а затем отойти к Гейльсбергу. Там он собирался встретиться и дать генеральное сражение наполеоновским войскам.

Ох, каким крепким словом обзывали нерешительного главнокомандующего солдаты русской армии! Каждый понимал, что нужно бить неприятеля у переправы, не давая ему уйти.

Между тем корпус Нея перешел на левый берег реки и оттуда начал обстрел русских войск. Коннопольцы прикрывали отступление, отстреливались, а после на-рысях двинулись к Гейльсбергу.

У Гейльсберга Беннигсен расположил войска по обоим берегам реки Алле и принялся укреплять правый берег, ожидая там Наполеона. Однако Наполеон рассчитывал отрезать русскую армию от моря и двинулся с войсками по левому берегу. Французы атаковали слабый русский авангард, потеснили его, но в тот же день командование над авангардом взял Багратион, один из самых одаренных и счастливых полководцев русской армии. Багратиону удалось задержать неприятеля, а в это время Беннигсен успел перебе-

ети па левый берег почти всю свою армию. И когда французы подошли к нашим укреплениям, их встретил сильнейший огонь наших батарей.

Артиллерию прикрывала конница, в том числе Коннопольский полк. Атаки французов не удались, ночью они отступили, потеряв под Гейльсбергом двенадцать тысяч человек.

Тогда Наполеон решил хитростью отвести Беннигсена с выгодной позиции, занятой русской армией. Часть своих войск он бросил на Кёнигсбергскую дорогу, угрожая захватить наши провиантские склады и лишить армию продовольствия. Этот стратегический ход удался. Беннигсен приказал отступить к Фридланду, и фридландские поля стали ареной одной из самых жестоких битв русских с французами.

3 июля на рассвете загремели первые пушки. Начался Фридландский бой, кровавая страница во всемирной истории.

Снова, как и у Гутштадта, но еще сильнее, еще ужасней грохотало поле. День превратился в ночь, почернели леса, речка Алле помутнела от крови.

Коннопольцы бросались в атаку несколько раз, прорывали ряды неприятеля, дрались героически, но каждый раз их оттесняли намного превосходящие силы врага. Надя на своем Алкиде носилась, как одержимая. Она то поражала саблей врагов, то отводила их удары, то недоспевая

ла как раз во-время, чтобы помочь непапшему в кольцо неприятелей товарищу. Ироничный гнев за свой народ, жажда мести поглощали все ее мысли, все желания. Ее полк потерял половину своих людей, и она во что бы то ни стало стремилась отомстить за погибших.

Какой это был бой! Люди и лошади смешались, иногда негде было размахнуться сабле — так тесно сгрудились всадники. Вокруг Дуровой падали свои и вражеские воицы, но она была точно заколдована: ни одна пуля, ни одна сабля даже не поцарапали ее.

Среди боя коннопольцев отвели передохнуть в лагерь. Надя отпросилась посмотреть наши батареи: она не чувствовала никакой усталости, и канонада русских пушек казалась ей музыкой.

Вдруг на дороге перед собой она увидела скачущего коня, на котором, качаясь и чуть не сваливаясь, ехал окровавленный русский улан. Она догнала коня, ухватила его за повод, наклонилась к раненому:

— Вам плохо?

Солдат заплетающимся языком бормотал что-то. Глаза его бессмысленно вытаращились; он был ранен в голову и, повидимому, бредил.

— Зелено поле — травушка, на травушке — кровушка... — быстро повторял он.

И опять, как в тот раз с Паниным, Наде стало жаль оставлять раненого улана. Она поддер-

жала его за плечи. Улан обернулся к ней, взглянул на нее ясно, жалобно.

— Ох, голубчик, тяжело мне... Не бросай меня, без тебя пропаду...

— Не брошу, не брошу, не бойся, — поспешно стала успокаивать его девушка.

Она повела за собой его саврасого. Медленно тащились они, выходя из полосы обстрела. Раненый стонал, умолял не торопиться, ехать тише, голова у него нестерпимо болела. Надя мучилась, что потеряет свой полк, упустит драгоценное время.

Въехали в лес, подуло ветерком.

— Давай чуток передохнем. Я на травке полежу, сил моих больше нет, — взмолился солдат.

Надя помогла ему сойти с коня, нашла и набила табаком его черную, прокуренную трубочку.

Раненый с наслаждением затаился и вдруг, побледнев добела, упал лицом в траву.

— Что с вами? Что с тобой? — вскочила Надя.

Улан был без сознания. По счастью, вблизи, в овраге, отыскался ручей. Девушка сняла с себя кивер, наполнила его водой. Долго пришлось ей обмывать лицо и раненую голову улана, пока тот пришел в себя. За лесом послышались выстрелы.

— На лошадь можешь сесть? — спросила Надя раненого. — Давай скорей уходить. Кажется, сюда двигаются французы.

Улан попытался взобраться на саврасого. Куда там! При каждом резком движении он стонал и снова впадал в беспамятство. А выстрелы раздавались все ближе. Вот уже можно разобрать и крики.

— *Vive l'empereur!*¹ — восторженно ревели французы.

Сейчас, через минуту они будут здесь, в лесу! Они застанут Надю и раненого — двух русских улан, и кто знает, что сделают с ними...

Бежать? Бросить солдата? Спасаться самой, пока она цела и пока Алкид может скакать?

Надя с негодованием отбросила такую недостойную мысль.

— Эй, землячки, дайте табачку! — закричал чей-то надсаженный голос. Между деревьями торчал черный лафет пушки, а дальше виднелась запаренная понурая лошадь, на которой восседал, свесив длинные ноги, оборванный, закопченный артиллерист.

У Нади отлегло от сердца. Вот она, помощь!

— Давай, парень, мы улана твоего на лафет уложим, — сразу сообразил артиллерист. — Пушка все равно подбитая, я ее в ремонт везу, в тыл. Могу и раненого твоего прихватить. Будет лежать на лафете, как на перине.

Вдвоем они удобно уложили солдата, и артиллерист обещал сдать его в вагенбург.

¹ Да здравствует император!

Надя вскочила на Алкида. Полк был потерян, дороги она не знала, кругом стоял неприятель, наступала ночь. В темноте она двинулась наугад, рассчитывая на свое зрение и слух.

Вскоре между деревьями показался красный огонь костра. Вокруг костра смыкались и размыкались, как веер, тени людей. Свои или враги? Надя слезла с Алкида и ползком, стараясь не хрустнуть веткой, подобралась поближе. У костра что-то рассказывали.

— ...И тут, значит, снял батяка наш Александр Васильич с себя шарф и все остальные офицеры тоже шарфы поснимали и стали мост связывать через ту чортову пропасть... — услышала Надя мерный, неторопливый голос рассказчика.

«Чурилка! — радостно ахнула Надя. — Дядя Чурилка!» И молодой легкий улан выскочил к костру.

— Соколов! Наш казачонок! Батюшки-светы! Да откуда ты явился, Соколов? — закричали казаки, обступив своего бывшего товарища и дружески хлопая его по спине так, что у него искры из глаз сыпались.

Соколова заставили рассказать все его приключения. Потом казаки сами стали рассказывать, как их полк стоял в резерве и как они, несмотря на приказ к отступлению, бросились на неприятеля и порядком его помяли.

— Будут вражьи дети помнить казацкую пику, будут! — с довольным видом несколько раз повторил Чурилка.

Он усадил Соколова возле себя, смотрел на него ласковым отеческим взглядом, а когда стали укладываться спать у костра, позвал улана на свою бурку.

— Помнишь, что я тебе наемдни, в Прикамье, говорил? — сказал он, заворачиваясь в свой край бурки.

— Нет, а что? — сонным голосом спросил Соколов.

— Говорил я, что ты станешь ладным бойцом. Вот и вышло по моему слову, — сказал Чурилка, но Соколов его уже не слышал — он спал.

8. ТАЙНА РАЗОБЛАЧАЕТСЯ

На следующее утро Надя едва добралась до своего полка, стоявшего лагерем на новых позициях. И она сама и Алкид были в таком виде, что прежде всего следовало отмыться и привести себя в порядок.

Надя усердно чистила коня, когда к ней подбежал белокурый улан из ее эскадрона.

— Соколов, тебя к коменданту в штаб требуют.

— В штаб? — удивился Соколов. — Зачем?

— Не знаю. К самому, сказывают, генералу. Там у него и эскадронный наш...

Вызванный улан поспешил в штаб. Генерал был не один. У него, как и говорил солдат, сидел эскадронный командир.

Оба офицера подняли головы. Генерал запыхтел, нахмурился, молча и неодобрительно поглядывая на улана Соколова. Эскадронный смущенно раскуривал трубку.

— Я вызвал вас к себе, чтобы сказать вам, юноша, что храбрость ваша сумасбродна, — начал генерал наставительно. — Вы бросаетесь в пыл битвы, когда не должно, ходите в атаку с чужими эскадронами. Среди сражений вы спасаете встречного и поперечного, отдаете свою лошадь тому, кто вздумает ее попросить, и остаетесь пеший среди сильнейшей сшибки..

Соколов стоял навытяжку перед своим командиром. Смуглое лицо его побелело. Как! Его распекают за то, что он оказался не трусом, за то, что спас раненых? Он не верил своим ушам.

— Я выведен из терпения вашими шалостями, — повысил голос генерал, — сию же минуту отправляйтесь в вагенбург!

— Мне — в вагенбург, — пролепетал бледный Соколов, — мне?!

Послать ее из полка вместе с ранеными людьми и лошадьми в вагенбург, то есть в обоз, —

такого позора Надя не ожидала. Она с трудом переводила дыхание.

Между тем эскадронный, питавший слабость к храбрецам, что-то шептал генералу.

— Нет, нет, надобно сберечь его, — громко перебил тот и, обратясь к улану, сказал уже гораздо ласковей: — Я отсылаю вас в Вагенбург, юноша, чтобы на будущее время сохранить для отечества храброго офицера. Через несколько лет вы с большей пользой сможете употребить вашу смелость, которая теперь будет стоить вам жизни и не принесет никакой выгоды.

Через час по ухабистой дороге медленно плелся обоз с ранеными солдатами и полковым имуществом. За обозом, понуриив большую голову, шел красавец конь, неся на себе молодого улана, уныло глядящего вокруг.

— Прогнали нас в обоз, Алкид, — горько улыбаясь, говорила Надя своему любимцу. — Теперь наше место здесь...

Внезапно позади обоза раздался лошадиный топот. Верховой поровнялся с повозками.

— Кто здесь Соколов? — закричал он, подымаясь на стременах и всматриваясь в лица солдат.

— Я, — сказала недоумевающе Надя.

— Приказано тебя, Соколов, вернуть, отобрать оружие, а тебе тотчас же явиться снова к генералу.

Дрожащими руками отстегнул Соколов суворовскую саблю и отдал ее посланному.

Что случилось? Зачем снова его возвращают в полк? Хорошо это или плохо? — терялся в догадках Соколов, скача на Алкиде в штаб.

На столе генерала лежала развернутая, очевидно только что полученная бумага. Когда улан Соколов, запыленный и запыхавшийся, снова предстал перед генералом, он вдруг заметил, что командир смотрит на него как-то по-новому, испытующими, любопытными глазами. Что-то тревожное почувствовал улан в этой внезапной перемене. Между тем генерал принялся задавать Соколову странные вопросы: кто его родители и не без их ли позволения вступил он в полк?

— Покинул дом родительский тайно, потому что чувствовал непреодолимую склонность к военной службе, — отвечал молодой улан.

Генерал долго разглядывал улана. Потом сказал с ударением:

— Вот что. Соколов, вам должно немедленно отправиться в Витебск, к командующему Буксгевдену. Поедете в сопровождении адъютанта, который для этого уже прибыл сюда.

На следующее утро, молчаливая, печальная, садилась Надя Дурова в адъютантскую коляску. Она предчувствовала, что начинается новая страница ее жизни. А хорошая или дурная это будет страница, не знала.

9. В ГАУПТ-КВАРТИРЕ

В то время как отважная дочь городничего стала храбрым уланом Соколовым, письмо, написанное ею в Гродно, достигло города Сарануля.

Какой переполох поднялся в дуровском доме! Старшую дочь давно считали утонувшей, оплакивали ее. Отец, безутешный вначале, начал понемногу успокаиваться. А тут вдруг оказывается, что дочь вовсе не утонула, а совершила нечто, дотоле неслыханное: девушка — и в рядах воинов сражается за родину!

Надежда Ивановна слегла: новость показалась ей хуже смерти. Андрей Васильевич не знал, радоваться ли ему возрождению дочери или печалиться ее странной, не женской судьбе. Во всяком случае, он встревожился за нее и написал царю просьбу — отыскать в Коннопольском полку рядового Александра Васильевича, сына Соколова, поскольку Соколов этот является его дочерью, девицей Надеждой Дуровой.

По Саранулю, а потом и по всей стране пошел слух о некоей девице, сражающейся в русской армии против войск Наполеона. Но кто она и где именно служит, никому не было известно. Между тем загадочная история тревожила воображение людей того времени.

Просьба Дурова пришла в Петербург, возбудила интерес, о ней было доложено царю. Але-

ксандр Первый, любитель театральных жестов, распорядился разыскать коннопольца Александра Соколова и вызвать его в Петербург, сохраняя в тайне его подлинное имя и пол.

Командир коннопольцев получил из столицы секретное предписание, вот почему Надя Дурова была вторично вызвана в штаб и в тот же день с адъютантом отправлена в Витебск.

Полный тревоги, дурных предчувствий и смутного страха, входил улан Соколов во дворец генерал-губернатора в Витебске. Во дворце помещалась гаупт-квартира главнокомандующего русской армии графа Буксгевдена.

Надя уже видела однажды главнокомандующего во время кавалерийского смотра на прусской границе. Ей запомнилось тогда узкое невыразительное лицо, светлые бачки и маленькие, глубоко сидящие глазки Буксгевдена.

Теперь эти глазки с непонятным ей выражением обратились на нее, одним взглядом охватили всю ее вытянувшуюся, напряженную фигуру, скользнули по пустой белой перевязи.

— Улан Соколов? А где же ваша сабля?

Молодой солдат вспыхнул, невольно схватился рукой за перевязь.

— Ваше сиятельство, все мое вооружение отобрали у меня в эскадроне, — сказал Соколов, и в голосе его прозвучала детская обида.

Буксгевден улыбнулся, его холодное лицо по-добрело.

— Я прикажу, чтобы вам его отдали, — сказал он, — солдата никогда не должно отправлять без оружия.

Он взял в руки колокольчик. На тонкий серебристый звон в кабинет вошел дежурный адъютант и с ним высокий красивый офицер с полковничьими эполетами. Главнокомандующий тихо сказал что-то адъютанту, тот вышел и почти тотчас же вернулся, держа в руках блестящую гусарскую саблю. С поклоном он передал саблю все еще стоящему навтыжку молодому улану. Улан покраснел от радости, растерялся, забормотал какие-то слова благодарности и вдруг, вынув саблю из ножен, восторженно поцеловал лезвие.

— Смотрите, полковник, какая любовь к оружию, — сказал Буксгевден красивому офицеру, — вероятно, вам не приходилось встречаться с подобным случаем?

Граф подошел к Наде вплотную. Теперь она совсем близко от себя видела морщины у его глаз, узкие, чисто выбритые щеки с желтоватой кожей.

— Я много слышал о вашей храбрости, — сказал Буксгевден, — мне очень приятно, что все ваши начальники дали о вас самые лучшие отзывы, но... — тут он запнулся. — Пожалуйста, не пу-

гайтесь того, что я вам скажу. Коротко говоря, я должен отослать вас к государю. Он желает вас видеть.

Желтые щеки, морщины у глаз, комната, розовый полковник — все внезапно отодвинулось, подернулось туманом. Как сквозь глубокую воду слышала Надя какие-то успокоительные и ласковые слова главнокомандующего. К царю?! Царь требует ее к себе?! Так, значит, она поймана. Значит, конец. Прощай свобода, прощай вольная боевая жизнь, прощай слава! Неужели снова клеткой сомкнутся вокруг нее тесные комнатенки сардульского дома?

На глазах Буксгевдена молодой улан побледнел, сжался, стал вдруг маленьким, испуганным.

— Государь отошлет меня домой, ваше сиятельство там я умру с печали, — сказал улан с горечью.

Главнокомандующий тронул юношу за плечо.

— Поверьте мне, у вас не отнимут мундира, которому вы сделали столько чести, — мягко сказал он. — К тем донесениям, которые я получил, я прибавлю теперь и свой отзыв. Вот личный адъютант императора, — Буксгевден взглянул на красивого офицера, — он проводит вас к государю.

И Буксгевден ласково кивнул улану, давая понять, что разговор окончен.

10. БЕЛЫЙ ГЕОРГИЙ

Из окна придворной кареты был виден серый строгий город, улицы, ровные, как пробор адъютанта, люди, оглядывающиеся на карету. Но Надя не смотрела в окно, не слышала любезных объяснений офицера. Она словно оцепенела: сидела неподвижно, устремив в одну точку широко раскрытые мрачные глаза. И адъютант, поглядев на эти глаза, на бледное, застывшее лицо, смолк на полуслове и отвернулся.

Все в том же состоянии оцепенения прошла Надя усталую чем-то красным дворцовую лестницу, караульную, где при их входе вскочили дежурные офицеры. Одна за другой мелькали залы, зеркала, лепные карнизы, навощенный наборный паркет. Навстречу Дуровой попадались какие-то люди в придворных мундирах. С удивлением глядели они на молодого солдата, неизвестно как попавшего в царские комнаты. Спрашивали о чем-то адъютанта, и тот на ходу шопотом отвечал им. Все это проходило как будто мимо Нади.

Два угольно-черных негра распахнули тяжелую дверь. Блестящий пол лег перед Надей, как озеро. И там, на дальнем берегу этого озера стоял еполоборота тот, от кого зависела вся ее дальнейшая жизнь.

Александр Первый был одет в зеленый лейб-

гвардейский мундир и белые лосины. Вытянувшись и замерев, молодой солдат успел заметить круглое выхоленное лицо царя и его маленькие, как у женщины, руки, которыми он держал какую-то вещицу. Александр с нескрываемым любопытством разглядывал улана, его некрасивое смуглое лицо с упрямым ртом, всю его тонкую, поджарую, устремленную вперед фигуру.

«Глядит. И чего глядит? Хоть бы сказал что-нибудь, хоть бы заговорил!..» мучился под царским взглядом улан.

— Я слышал, что вы не мужчина. Правда это? — сказал наконец царь, слегка картавя и растягивая слова. Голос у него был мягкий, немного хриловатый.

У Нади вздрогнули брови. «Поймали! Поймали, как карманного воришку, как мелкого жулика!» мелькнула у нее мысль. Она подняла голову и в упор, смело посмотрела на царя. |

— Да, ваше величество, я девушка, — сказала она, явственно произнося каждое слово.

Александр приятно улыбнулся, развел руками.

— О, — сказал он, — это первый и единственный случай в России! Такая храбрость женщины заслуживает награды! — Он заговорил длинно и красиво о храбрости вообще. Надя плохо слушала, она все еще чего-то боялась и с тревогой следила за маленькими руками царя. Вдруг до

ее слуха долетели слова: «И возвратить с честью в дом отцовский».

Кого возвратить? Ее? Надю Дурову? Да, это о ней, именно о ней говорил царь, милостиво улыбаясь и кивая.

Надя с размаху упала на колени, закричала:

— Не отсылайте меня домой, ваше величество, не отсылайте! Я умру там, непременно умру! Не заставляйте меня пожалеть, что у неприятеля не нашлось ни одной пули для меня!

Она громко плакала, по-детски вытирала кулаками слезы, волосы у нее растрепались. Это было некрасиво, и Александр, не выносивший ничего некрасивого, постарался поскорей закончить эту сцену.

— Чего же вы хотите? — торопливо спросил он у странной девушки-улана.

— Быть воином, носить оружие, мундир, — с жаром сказала Дурова, — это единственная награда для меня!

Она устремила на царя мокрые умоляющие огромные глаза.

— Я родилась в лагере, моей нянькой был гусар, моей колыбельной песней — походный марш. Я всегда, всю жизнь мечтала быть солдатом, защищать мою родину, носить мундир... и вдруг... вдруг у меня отнимают этот мундир!

Царь растерянно смотрел на нее, слушал ее прерывистый голос.

— Если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашей наградой, вы получите ее, — сказал он, нагибаясь и неловко стараясь поднять улана.

Надя Дурова, еще не веря, но уже покраснев от радости, вскочила с колен. Александр закинул голову, отставил ногу, как на портрете, и продолжал торжественно-напыщенным тоном:

— Отныне вы будете называться по моему имени — Александровым. Только помните, — тут он повысил голос: — имя это всегда должно быть беспорочно, я никогда не прощу вам и тени пятна на нем.

Улан подскочил к царю, хотел схватить его за руки, поблагодарить, но Александр в испуге отступил, спрятал руки за спину. Он не привык к такой непосредственности и не желал ее.

— Вы спасли от гибели Панина? Расскажите, как это было, — сказал он, чтобы отвлечь улана.

И Надя Дурова, забыв о том, что ее слушает царь, с увлечением принялась рассказывать, какое это замечательное дело — ходить в атаку, как она себя не помнила в первом сражении, как вдруг увидела оранжевый воротник нашего офицера и шестерых французов, налетевших на него.

— Вшестером на одного — вот подлость! Вы только подумайте, ваше величество, как воронье налетели! — говорила Надя, размахивая по-мальчишески руками и тряся головой. — Ну, я, как

увидел, давай ходу! Пику наперевес, сам кричу, свищу, гикаю, лицо у меня, верно, как у чорта было; они вдруг шашть — врассыпную...

Тут она оглянулась на царя и увидела его снисходительное, рассеянное лицо. Оживление ее точно ветром сдуло. Хмурясь и комкая слова, она досказала случай с Паниным и мысленно уже бранила себя за то, что «распустила язык» перед царем.

— За спасение жизни офицера полагается георгиевский крест, — внушительно сказал царь, и из его маленькой белой руки вынырнул белый орден. На минуту Надя увидела у самого своего лица блестящие напомаженные виски. Александр театральным жестом сам вдел ей орден в петлицу мундира. Он не сказал только, что донесение Панина о том, что его спас солдат, коннополец Соколов, пришло уже давным-давно. Но хотя и полагалось дать этому герою орден, начальство не трудилось разыскивать неизвестного солдата; другое дело теперь, когда этим солдатом оказалась девушка.

— Поздравляю вас, корнет Александров, — сказал царь.

Корнет! У Нади даже шея покраснела. Она корнет?! Царь дал ей офицерский чин!

Александр продолжал, забавляясь ее смущением и радостью:

— Я перевожу вас в Мариупольский гусар-

ский полк. Там корпус офицеров из лучших фамилий. Ваше инкогнито будет сохранено. Никто не узнает, что вы девушка... — Он усмехнулся, сказал игриво: — И потом — белый с золотом мундир очень пойдет к вашему смуглому лицу. *Il vous siéga à merveille*¹.

Счастливая, смущенная, почти испуганная царскими милостями, уходила Дурова из кабинета Александра Первого.

Она долго возилась у двери: бронзовая ручка никак не хотела повернуться. И снова у самого своего лица Надя увидела лицо Александра. Улыбаясь слегка насмешливо, царь распахнул перед ней дверь.

11. ЦАРСКИЙ КРЕСТНИК

Новоявленный корнет Александров отправился в город Луцк, где в то время стоял Мариупольский гусарский полк. Офицеры полка, все из родовитых русских семей, радушно приняли корнета — георгиевского кавалера, участника прусской кампании и, по слухам, крестника самого царя.

С Наполеоном был заключен мир в Тильзите. Потянулись однообразные дни полковой жизни:

¹ Он будет вам замечательно к лицу.

обеды в офицерском собрании, попойки в слободском шинке, балы у окрестных помещиков, игра в карты.

Корнету Александрову такая жизнь быстро наскучила. Безделье томило неутомонного воина-девушку. Вечера за зеленым карточным полем казались ей невыносимыми. В мечтах ей виделось другое поле, поле битвы, озаренное вспышками ядер, гудящее под копытами коней, усеянное трупами врагов. Там, на этом поле, Надя Дурова снова почувствовала бы себя счастливой, сильной, нужной.

А здесь, в маленьком сонном городишке, среди обычных полковых развлечений, она раздражалась и скучала. Да и не по средствам были эти развлечения корнету Александрову, жившему только на свое офицерское жалованье. И так большая часть жалованья ушла на тот белый, шитый золотом мундир, который так нравился царю.

Корнет Александров заметно похудел и осунулся. Глаза его с желтоватыми белками лихорадочно блестели. Товарищи подшучивали над корнетом, уверяли, что он влюблен, называли даже героиню романа, Ольгу Павлищеву, дочь помещика, к которому за последнее время часто ездил Александров.

Надя Дурова действительно зачастила к Павлищевым. Хлебосольный, радушный дом со ста-

риками-хозяевами и молодыми дочерьми тянул к себе давно лишенную семью и уюта девушку. Семнадцатилетняя Оленька особенно привлекала Надю в этом доме. Это было тихое, задумчивое существо с порывистыми движениями и тонким лицом.

Наде нравилось воображать, что у нее вдруг появилась сестра. Женская дружба, которой она никогда не знала, вдруг оказалась ей нужна. Она учила Оленьку рисовать, вместе они читали, гуляли, говорили о жизни. Оленька призналась, что мечтает стать знаменитой певицей. У нее был низкий бархатистый голос; Надя любила слушать ее пение под гитару. И, продолжая воображать что нашла наконец сестру, Дурова не замечала, какой радостью озаряется лицо Оленьки при встрече и как краснеет она, подавая корнесту Александрову руку.

Дружба кончилась вдруг, кончилась самым досадным и неожиданным образом.

11 июля в доме подполковника Павлицева праздновали именины Ольги. С утра весь старый провинциальный дом Павлицевых был полон той веселой бестолковой суетой, которая сопровождает обыкновенно все семейные праздники. Из кухни доносился дробный стук ножей, по всему дому пахло утюгами и палеными волосами. Носились, как угорелые, горничные девки, держа на вытянутых руках накрахмаленные юбки и платья.

щипцы для завивки, гипюровые чепцы. В диванной расставляли карточные столы. В зале стол был накрыт покоем и дворецкий Петрович с красным, потным лицом свирепым шопотом командовал слугами.

В верхних, жилых комнатах одевались дамы, и там доморощенные швеи сбивались с ног, пришивая, подкалывая, прикрепляя рюши, банты, цветы. Из сада доносились нестройные звуки валторн и фаготов: вызванный полковой оркестр репетировал входившие в моду тирольские вальсы.

И одна только виновница торжества, Оленька, не принимала участия в общей кутерьме. Бледная, с небрежно зачесанными темными косами, в будничном холстинковом платье, бесцельно бродила она по дому, безучастно глядя на суетящихся людей. Иногда она подходила к открытому окну диванной и напряженно смотрела вниз, под гору, где вилась среди кустарника белая от пыли дорога.

— Петрович, скоро ли за стол сядут? — спросила она мимоходом дворецкого.

— Все готово-с, Ольга Ивановна, ждут только господ офицеров. За полковником дормез послали-с, — доложил тот.

Легкая краска проступила на щеках Оленьки. В соседней буфетной раздались щебечущие голоса, и две сестры Ольги, замужня краса-

вица Антонина и дурнушка Юлия, встали в дверях.

— Боже мой, что я вижу! Именинница-то какой замарашкой ходит! — испуганно закричала Антонина. — Оленька, ангел мой, что с тобой, отчего ты до сих пор не одета? И волосы вон не убраны, — и старшая сестра тронула косы младшей. Косы поползли с головы, распустились и темным плащом закрыли плечи Оленьки.

Юленька, поджав тонкие губы, ехидно смотрела на младшую сестру.

— Не трогайте нас, — насмешливо сказала она Антонине, — нам не до нарядов. Мы мечтаем. Мы влюблены. — Она шутовски сморщила нос.

— Влюблена? Ольга? — Красивые глаза Антонины округлились. — В кого же, скажите, ради бога!

— Чепуха! — холодно сказала Оленька. — Юлия выдумывает. Ей всюду мерещатся романы.

Она отвернулась, подобрала волосы, хотела уйти. Но от Юлии не так легко было отделаться.

— Вероятно, мне померещились и стихи, которые он написал тебе в альбом, и вензель, двойное «А», который ты выцарапала на своем зеркале, и пуговица от его перчатки, которую ты носишь на груди, как святыню! — заторошилась она, встав на пороге и не давая Ольге уйти.

Оленька невольно дотронулась до груди.

Старшая сестра уловила этот жест, всплеснула руками.

— Пуговицу от перчатки носит?! Вензель выцарапывает?! Влюблена — ясно, как день. Но кто же это двойное «А»? — обратилась она к Юлии.

— Кто же, как не прославленный герой Гутштадта и Фридланда, блестящий мариуполец и крестник самого царя корнет Александр Александров! — продекламировала, как в театре, Юлия, устремив насмешливый взгляд на младшую сестру.

Лицо у Оленьки дрогнуло, перекосилось. Она жалобно посмотрела на сестер и выбежала из комнаты.

Между тем к крыльцу уже подъезжал дормез, в котором, откинувшись, сидел тучный полковник Мариупольского гусарского полка. За дормезом на некотором расстоянии следовали верхом офицеры — все в высоких киверах с плюмажем, в белых, затканых золотом мундирах, которые, казалось, излучали солнечный свет.

Впереди этой группы ехал сухощавый, ловко сидящий на коне корнет Александр Александров.

— Что ты, Сашенька, невесел, что головушку повесил? — дурачась, подъехал к нему маленький князь Ивлев. — Господа, — обратился он к остальным офицерам, — у нашего Сашеньки се-

годня решительный день. По глазам вижу — он собирается идти в атаку!

— И везет же этому корнету, — завистливо сказал поручик Свешников. — Первую на весь уезд красотку пленил!

Свешников хотел еще что-то добавить, но корнет Александров так мрачно посмотрел на него, что поручик предпочел не продолжать. К тому же лошади их уже стояли у крыльца.

Поздоровавшись с хозяевами и старшими дочерьми, корнет спросил у Юлии:

— А где же Ольга Ивановна?

— Она в саду. Подите к ней, — сказала хитрая девица, делая незаметные знаки Антонине.

— Так это и есть герой? — шопотом спросила старшая сестра. — Что ж, он совсем неплох. Некрасив, но есть что-то такое интересное в лице. И потом — крестник императора...

И Антонина уже мысленно справляла свадьбу Оленьки со смуглым корнетом.

Корнет нашел Оленьку в саду. Задумавшись, она сидела под кустом сирени в белом, пышном, похожем на взбитые сливки платье. Ее темные косы были уложены венцом вокруг головы. Оленька была очень хороша; корнет в замешательстве смотрел на нее не здороваясь. И грусть, и досаду, и нерешительность попеременно выражало лицо Нади Дуровой. «Вот как нехорошо

все вышло! — казалось, говорило это лицо. — Стосковалась по дому, по сестринской дружбе, захотелось поговорить по душам с такой же девушкой, как я сама, и забыла, что я не Надя Дурова, а корнет Александров, не девушка-подруга, а молодой человек, жених... Сказать ей, Оленьке? Открыться, кто я? Нет, нет, нельзя, невозможно».

И корнет Александров решительно тряхнул головой.

Оленька очнулась от своей задумчивости, вскрикнула, вскочила, взглянула на корнета счастливыми глазами.

— Поздравляю вас, Ольга Ивановна, — сказал, склонившись, Александров, — пожалуйста, возьмите, это вам.

Он подал ей сверток в шелковой бумаге, перевязанный лентой. Оленька нетерпеливо сдернула ленту, бумагу. Показался прелестный голубого сафьяна альбом с золотым тиснением и нарисованной красками нежной розой на переплете.

Оленька лихорадочно перелистала цветные страницы. Вот наконец жесткий, знакомый ей почерк. Стихи. Но какие странные стихи!

Сужден навек мне тайный жребий,
Разлуки злой не миновать,
Лишь в час свидания на небе
Смогу сестрой тебя назвать...

Оленька читала, щеки ее белели все больше и наконец стали совсем как платье.

— Я не понимаю, — растерянно сказала она, — Александр... Саша... Что же это? А я ждала вас, я ваш портрет по памяти нарисовала, я для вас новый романс на гитаре выучила, такой красивый романс...

Оленька была как во сне, сама не понимала, что говорит.

— Ольга Ивановна, — сказал корнет глубоким грудным голосом, — простите меня, милая моя девушка. Видит бог, виноват я перед вами и не виноват. Не должен был я дружить с вами, не должен был ездить к вам... Но уж давно я лишен сестры и, как бродяга, скитаюсь по свету... Может быть, после, когда-нибудь я вам все открою, а сейчас не спрашивайте меня ни о чем. Я не скажу больше ни слова. Еще раз — простите меня и прощайте. Я уезжаю, но навсегда сохраню память о нашей дружбе.

Корнет поклонился глубоко, чуть не до земли. В последний раз мелькнуло перед Оленькой смуглое лицо. За оградой зацокали копыта коня — и все стихло.

Через несколько дней гусары-мариупольцы проводжали корнета Александра в местечко Домбровицы. Там квартировал уланский Литовский полк, куда переводился крестник царя.

12. БОРОДИНО

Синий колет с малиновыми отворотами сменил белый с золотом мундир. Надя Дурова надела форму литовских улан и увидела, что только цвет мундира отличает один полк от другого. Те же длинные скучные обеды в собрании, та же бессмысленная карточная игра до рассвета и надоевшие балы у помещиков.

Но на этот раз ей недолго пришлось томиться от тоскливого вынужденного безделья. Ранним весенним утром в халупу, где вместе с двумя другими уланами жил корнет Александров, прибежал взволнованный вахмистр.

— Всех господ офицеров приказано звать к полковнику! — прокричал он с порога.

Скользя и разъезжаясь сапогами по жидкой грязи, Александров побежал к полковнику. Здесь он услышал, что Наполеон с войском перешел Неман и без объявления войны движется к Витебску.

— Война несомнительна, господа, — сказал полковник, — я еще не имею распоряжений главной квартиры, но приказываю всем вам быть в полной боевой готовности.

Наступили тревожные дни. «Каждую ночь лошади наши оседланы, мы вооружены. С полуночи половина эскадрона садится на лошадей и выезжает за селение содержать пикет и делать

разъезды; другая остается в готовности на лошадях. Днем мы спим», заносит Надежда Дурова в записную книжку.

Полк получил приказ отступать форсированным маршем в глубь страны. Тяжело переживали русские люди вторжение врага на свою землю. Корнет Александров чувствовал себя совсем больным, разбитым. Неприятель шел по пятам наших войск до самого Смоленска. Близ Смоленска объявили манифест Александра Первого. Царь говорил, что «не удерживает более мужества русского воинства и дает свободу отомстить неприятелю за скуку противовольного отступления, до сего времени необходимого». Уланы прыгали от радости.

— Наконец-то! — восклицали офицеры. — Теперь будет наша очередь догонять.

Дурова воспрянула духом. Гром пушечной пальбы, огненные полеты ядер, визг пуль — как радостно и привычно ей было это слушать!

Наконец главнокомандующим всеми армиями был назначен любимый народом и войском, герой Измаила и Молдавии, Михаил Илларионович Кутузов.

Какой восторг охватил солдат и офицеров при вести о его назначении! Очередную чарку водки литовские уланы осушили за батюшку Кутузова.

— Не грех ли отступать с такими молодцами! — сказал Кутузов, делая смотр войску. Эта фраза облетела русскую армию, стала девизом.

Дурова была убеждена, что с этой фразой закончился тяжелый, беспросветный период войны и начинается новый, победный, торжественный марш, покрывающий славою ее отечество.

26 августа 1812 года.

В этот день был Бородинский бой, прославивший на веки веков доблесть и стойкость русского войска.

Стояла ясная, сухая, холодная осень. Был вечер накануне сражения. Литовский полк поставили на передовую линию. Между солдатами шел слух, что Кутузов сам объезжает полки, и Надя Дурова взволнованно вглядывалась в группы проезжающих офицеров: она, как маленькая девочка, мечтала хотя бы издали посмотреть на фельдмаршала.

В сумерки, когда гигантский лагерь в тишине заканчивал приготовления к бою, откуда-то издали донесся гул. Гул этот нарастал, усиливался, подобно прибою, раскатывался все шире, и наконец стало ясно, что это кричат люди. Тысячи человеческих голосов восторженно выкрикивали одно и то же имя:

— Кутузов! Кутузов!

Дурова выскочила из шалаша, куда забралась погреться.

Мимо русских пикетов ехал на гнедой крупной лошади тучный человек, в белой фуражке без околыша. Надя до этого дня никогда не видела Кутузова, но тотчас же сердцем узнала его, выделила из всех, кто его окружал.

На главнокомандующем был длинный сюртук, горбом подымавшийся у затылка. Своим единственным глазом Кутузов успевал замечать и костры, вокруг которых собрались солдаты, и расположение наших пикетов, и возведенные накануне укрепления. Адъютант, перегнувшись в седле, почтительно докладывал что-то фельдмаршалу. Лицо у Кутузова было сосредоточенно-внимательное и вместе с тем рассеянное. Всюду, где он проезжал, сбегались посмотреть на него солдаты, и он кивал им ласково и устало.

Необыкновенный прилив любви, уважения, доверия к старому одноглазому человеку охватил Надю Дурову.

— Ура Кутузову! — закричала она, сама не понимая, как это вышло. А кругом уже подхватывали и несли дальше ее крик. Кутузов оглянулся на нее, помахал рукой и сказал что-то одними губами, наверное: «Спасибо, молодцы!»

Темная, беззвездная ночь спустилась над бородинским полем. Сонно жевали лошади, вздыхали во сне люди, многие не спали, переговаривались, чистили и проверяли оружие.

На рассвете шалаш Дуровой вдруг дрогнул и

зашатался, точно от порыва ветра: это ударила первая пушка с французской стороны.

Сжимая в руке саблю, Надя выбежала из шалаша. Занимался сухой, холодный, серый денек. Громадный лагерь уже был построен в боевой порядок.

Литовский полк стоял на передовой линии. Со своего места в эскадроне Дурова видела покрытую войсками Большую Смоленскую дорогу, дальний лес, из которого, как изо рта курильщика, вылетали дымки выстрелов, белую церковь какого-то села, серые избы, где в окнах дрсжали светлые блики.

Рядом с эскадроном находился курган с насыпанными кругом валами, на которых стояли пушки. Теперь пушки эти непрерывно стреляли, и солдаты с напряженными, озабоченными лицами все вновь и вновь заряжали и накатывали орудия.

Слышался непрерывный страшный грохот, но для Дуровой словно не было его, как не было его для всех тех, кто находился в бою.

Вдохновение боя, радостное и тревожное нетерпение — все, что было знакомо Дуровой по прежним боям, теперь, у Бородина, наполняло ее с удесятеренной силой. Кругом себя она видела такое же нетерпеливое оживление, такой же могучий внутренний порыв.

На лицах солдат и офицеров отражалась тор-

жественность минуты: все понимали, что здесь, на этом поле, решается судьба России, судьба родины.

Всю даль застлало пороховым дымом. Грохот пушек все увеличивался и как будто приближался. Выстрелы начали сливаться в сплошной рев, между ними не было промежутка, и грохот их напоминал звук падающей с гор лавины.

— Литовцы, вперед! — негромко сказал седой полковник.

— Уланы, за мной! — охрипшим голосом скомандовала Дурова своему эскадрону. Конь стремительно понес ее вперед, в ушах у нее свистел ветер. Впереди она видела мост через Колочу. Сейчас на этом мосту сгрудились французы, тесня русских пехотинцев. Надо было во что бы то ни стало отбить мост и отогнать французов на противоположный берег. Уланы влетели на мост и с ходу врезались в гущу синих мундиров. Кругом сыпалась картечь, летели ядра, черный дым ел глаза. Но в огне боя Надя Дурова ничего не замечала, ничего не чувствовала. Она видела перед собой одну цель — мост, который надо было очистить от врагов. И вместе со своими солдатами корнет Александров рубил, разил, повергал неприятеля наземь.

Вот дрогнули синие мундиры, вот еще усилие, еще натиск — и французы побежали.

— Ваше величество, Бородино занято, мост

через Колочу в наших руках. Прикажете переходить реку? — спросил адъютант Наполеона.

— Пусть переходят и выстроятся на той стороне, — приказал Наполеон.

Но в это самое время мост, о котором шла речь, уже был отбит русскими уланами, и Дурова, возвращаясь на позиции, видела, как наши пехотинцы поджигали его.

Над полем простерлась сырая мглистая пелена. Запахло странно и терпко — смесью селитры и крови. А уланы еще продолжали ходить в атаку, и Дурова онемевшими пальцами все еще сжимала рукоять сабли. По приказанию Наполеона двести орудий были направлены на русских, но русские продолжали непоколебимо стоять под адским огнем.

К концу дня стало известно, что атака Наполеона на левый фланг русских была отбита, что в центре французы не продвинулись дальше Бородина и что на левом фланге наша кавалерия обратила неприятеля в бегство.

Радостный гомон прошел по измученному русскому войску. Как мечтал каждый воин прогнать врага с родной земли, отомстить за разоренные города и села!

Надя Дурова, осунувшаяся, с бледным лицом и запавшими, лихорадочно блестящими глазами, возвращалась с удачной атаки. Вдруг совсем близко она услышала страшный шум: большой

черный шар завертелся и зашуршал на земле почти у самых ног ее лошади. Она увидела двух падающих драгун, и в тот же момент что то сильно ударило ее в ногу. Конь взвился на дыбы. Ядро! Она покачнулась в седле.

— Отвести корнета за фронт, — распорядился эскадронный, — пусть его осмотрит доктор.

— Ни за что! — сердито сказал Александров. — Что за чепуха! Крови нет, разве это рана?

Дурова самовольно вернулась в эскадрон.

Она не знала, что такое контузия. Нога стала пухнуть, чернеть. Стиснув зубы, Надя старалась пересилить себя, забыть про эту невыносимую боль. Она попала на глаза эскадронному.

— Как! Вы опять здесь, Александров? Покажите ногу.

Для того чтобы осмотреть ногу, понадобилось разрезать сапог. Эскадронный рассердился не на шутку.

— Немедленно в вагенбург! И чтоб я вас здесь больше не видел!

И в ночь Бородинского боя, решившего победу русских над Наполеоном, Надежда Дурова попала в полковой лазарет, где «на десятину места трава и земля были пропитаны кровью»¹.

¹ Л. Толстой, «Война и мир».

13. ОРДИНАРЕЦ КУТУЗОВА

После Бородинского боя Литовский полк со всей армией был отведен за Москву. Начальник Дуровой, педантичный и тупой немец Штакельберг, послал ее с командой за сеном для полковых лошадей.

Штакельберг давно с неприязнью относился к корнету Александрову. До него дошли слухи, что корнет недолюбливает немцев и открыто возмущается поведением немецких военачальников в России. Он искал предлога придрататься к молодому офицеру. И в эту поездку такой предлог нашлся.

Александров в дороге разминулся со своей командой и вернулся в полк один. Разъяренный Штакельберг набросился на него:

— Как смели вы оставить свою команду? Ступайте, сударь, сыщите мне людей, иначе я сообщу главнокомандующему, и вас расстреляют.

Через час Александрова уже не было в эскадроне. Он оставил записку:

«Уведомьте полковника Штакельберга, что, не имея охоты быть расстрелянным, я уезжаю к главнокомандующему, при котором постараюсь остаться в качестве его ординарца».

Был холодный осенний день.

В сенях избы, где стоял Кутузов, приехавшего офицера встретил дежурный адъютант.

— Я желал бы видеть главнокомандующего по личному делу, но изложу мое дело только ему самому, — настойчиво сказал приезжий.

Адъютант впустил офицера к Кутузову.

Главнокомандующий сидел в просторном домашнем сюртуке и читал французскую книгу. Он поднял глаза на вошедшего.

— Что тебе надобно, друг мой?

— Я желал бы иметь счастье быть вашим ординарцем во все продолжение кампании, — сказала Дурова, восторженно глядя на замечательного старого воина. — Я приехал, чтобы просить вас об этой милости.

Кутузов удивился, положил книгу.

— Какая же причина такой необыкновенной просьбы, а еще более способа, каким предлагаете ее?

Дурова, осмелев, рассказала об угрозе Штапельберга.

— Родясь и выросши в лагере, посвятив жизнь свою военной службе, имея репутацию храброго офицера, я не заслуживаю угрозы смертью... — взволнованно говорила она и вдруг осклась.

Она подметила, что при словах «храброго офицера» на лице Кутузова мелькнула насмешливая улыбка. Кровь бросилась ей в лицо. Она сказала гордо:

— В прусскую кампанию мои начальники так много хвалили мою смелость, что я считаю возможным назваться храбрым, не боясь быть сочтенным за самохвала.

— В прусскую кампанию? — изумился Кутузов. — Разве вы служили тогда?

Глядя на тонкого молодого улана, он предполагал, что ему никак не больше шестнадцати лет, и очень удивился его ответу.

— В прусскую кампанию я служил в Коннопольском полку, — сказал улан.

— Как ваша фамилия? — поспешно спросил Кутузов.

— Александров, ваше сиятельство.

Кутузов обнял молодого офицера.

— Как я рад, что имею наконец удовольствие узнать вас лично, — сказал он, с сердечным участием глядя на отважную девушку. — Я давно уже слышал о вас. Оставайтесь у меня, если вам угодно. Что же касается угрозы расстрелять вас, то вы напрасно приняли ее так близко к сердцу. Это были пустые слова, сказанные в досаде.

Он ласково потрепал офицера по плечу.

— Подите к дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы остаетесь у меня бесменным ординарцем.

Сияющая, полная благодарности к Кутузову Дурова направилась к дверям. Главнокомандующий остановил ее:

— Вы, кажется, хромаете?

— Пустяки! Небольшая контузия. Ядро под Бородиным, — попытался увильнуть улан.

— Контужены от ядра? И вы не лечитесь? — возмутился Кутузов. — Сейчас скажите доктору, чтобы осмотрел вашу ногу.

Он сам проводил ее до выхода, но молодой улан и не подумал отправиться к доктору. Лечиться, когда вся армия в походе, когда вот-вот русские перейдут в наступление, — разве в такой момент можно думать о какой-то контузии! И Надея Дурова дотемна носилась на своем коне по различным полкам, передавая приказы штаба, принимая донесения командиров. К ночи, измученная, бледная от невыносимой боли в ноге, она предстала перед Кутузовым.

— Ну как твоя нога? — тотчас же спросил фельдмаршал.

И вдруг Наде Дуровой показалось, что перед ней не герой-главнокомандующий, а заботливый старый дедушка. Этому дедушке не стыдно было признаться, что нога невыносимо болит, болит так, что и на лошади трудно держаться.

— Ох ты, бедняга! — покачал белой головой Кутузов. — Придется, видно, тебе лечь в лазарет.

Но корнет Александров был упрям: он ни за что не желал отправляться в лазарет.

— Тогда оставайся здесь, в моей палатке, — сказал Кутузов решительно, — здесь тепло. Я вс-

лю принести кадушку с горячей водой для твоей больной ноги. Тебе сразу станет легче...

И как ни отнекивался корнет, пришлось ему стать пациентом главнокомандующего.

Побывавший во многих боях, сам несколько раз раненный, Кутузов хорошо знал, чем лечить контузию. Денщик его несколько раз в день приносил Дуровой для больной ноги горячей воды в кадке. В палатке главнокомандующего было покойно и просторно, а возвращаясь из штаба. Кутузов непременно сам поил корнета чаем и в это время рассказывал что-нибудь из своих походов с Суворовым.

Это было счастливое время в жизни Нади Дуровой. Жадно запоминала она все, о чем говорил замечательный русский полководец, любимец народа.

Но в полку самовольный уход се наделал много шума. Взбешенный Штакельберг явился к начальнику штаба и пожаловался на корнета Александра.

— Вдобавок я узнал удивительную вещь, — сказал злой немец: — я узнал, что этот упрямый офицеришка вовсе не корнет, а девица, Надежда Дурова. Сообщите-ка об этом главнокомандующему, он, верно, не подозревает, какого ординарца принял к себе на службу.

И заранее весело потирая руки, Штакельберг удалился.

На следующий день, выждав удобный момент, начальник штаба доложил Кутузову, что его новый ординарец Александров — девушка,

Главнокомандующий нахмурился и сказал строго:

— Никакой Надежды Дуровой в армии нет. В армии находится известный мне и царю георгиевский кавалер корнет Александров. Офицерский чин и фамилия даны ему самим государем.

Он сердито позвал адъютанта и уехал в Мадоярославец, где в то время находилась главная квартира.

Дурова помещалась в просторной избе. Ей вдруг сделалось хуже, боль в ноге усилилась. Кутузов зашел проведать ее и с тревогой смотрел на ее измученное лицо.

— Поезжай домой, — сказал он своему молодому ординарцу. — Поправишься — вернешься снова ко мне.

Оставить в такой момент Кутузова, армию?! Дурова стиснула зубы. Но она чувствовала, что будет висеть бесполезным грузом, если не поправится, и потому согласилась уехать в отпуск.

Подорожную и прогоны ей дал Кутузов.

— Если в чем будешь иметь надобность, приходи прямо ко мне, — сказал он на прощанье, нежно обнимая Дурову.

И вот долгий зимний путь на перекладных до родного Сарапуля. Корнет Александров едет к себе домой. Занесенный снегом городишко, скованная льдом Кама, узкая сизая полоса Юрманки. А вот и дом, постаревший, как будто совсем вросший в землю. Окна матери черны — мать давно умерла. Робкой рукой стучится корнет в дверь родного дома.

Старый, высохший, как гриб, Перфишка открывает.

— Как доложить о вашем благородии?

Но его благородие хватает старика за руку.

— Дядя Перфилий, это я, Надя...

И тут испуганный и радостный Перфишка узнает знакомые черты, путается, не знает, как же все-таки назвать приезжего офицера, и наконец, отчаянно махнув рукой, кричит на весь дом:

— Андрей Васильевич, Наденька наша приехала!

14. ВМЕСТО САБЛИ — ПЕРО

Летним вечером 1836 года в петербургскую квартиру Пушкина явился прямой смуглый человек в серой офицерской шинели без рукавов. Он сбросил шинель на руки слуге и оказался в черном строгом сюртуке с георгием в петлице.

— Доложите Александру Сергеевичу: штабс-ротмистр Александров из Елабуги, — глуховато

сказал он, оправляя перед зеркалом темные волосы, в которых уже мелькала седина.

Пушкин сам вышел навстречу гостю.

— Я ожидал вас с нетерпением, — с живостью сказал он, пожимая сухую маленькую руку штабс-ротмистра. — Помнится, вы обещали быть в Петербурге нынче летом...

Он повел приезжего в свой кабинет. Там на письменном столе, рядом с бронзовым арапчиком-чернильницей и валявшимися в беспорядке обгрызенными гусяными перьями лежала рукопись, озаглавленная «Записки двенадцатого года». Штабс-ротмистр тотчас же увидел рукопись и заметно взволновался. Он сел в кресло, не сводя глаз с хозяина дома.

— Я прочел ваши записки, Александр Васильевич, — сказал Пушкин, трогая рукопись. — Прелесть! Живо, оригинально, слог прекрасный...

Гость сидел, прямой, напряженный, весь — ожидание.

— Признаюсь, я с изумлением увидел, что нежные пальчики, сжимавшие рукоять уланской сабли, владеют и быстрым, пламенным, живописным пером, — продолжал Пушкин. — С волнением я читал столь необыкновенное признание женщины...

Смуглые щеки штабс-ротмистра вспыхнули, он неловко и радостно улыбнулся. Значит, не на-

прасно растрчивался жар сердца, не напрасно в долгие зимние ночи вновь горел, стремился вперед, завоевывал славу отставной штабс-ротмистр, вызывая снова в своем воображении то, что было при Гутштадте и Бородине, вспоминая всю свою жизнь — от седла усатого дядьки Ахметова до блестящего уланского мундира, скрывшего своевольную дочь сарапульского городничего.

Нет, еще не угомонилась Надежда Дурова, хоть и сложила оружие. В ней еще кипели, бились, просились наружу неистраченные силы, ей предстояла еще новая слава, слава писателя.

Через тридцать лет после Гутштадта в глухом захолустном городишке Елабуге, в маленьком, занесенном снегом домике штабс-ротмистр Александров написал дневник своей необыкновенной жизни. День за днем он вновь переживал эту жизнь: березку на берегу Юрманки, девочку с косою и пистолетами за поясом, молодого казака, скачущего на Алкиде, первые тяготы полковой службы, а там, дальше — пушечный гром, бешеный азарт боя и такое упорное, всепоглощающее желание победить, добыть славу своей родине.

Пел за печкой сверчок, потрескивали бревенчатые стены, тускло блестела в простенке суворовская сабля — единственное украшение комнаты. За окном шла ночь, запорошенная снегом,

скрипучая; оплывала свеча, и приходилось ножами снимать с нее нагар.

В такие ночи к штабс-ротмистру, неслышно ступая валенками, входил слуга Степан, старик саженого роста, говорил сердито:

— Александр Васильевич, вторые петухи поют, светает... Вы бы почивать легли...

Но хозяин не отвечал: он был далече от натопленной елабужской комнатки. Ему виделись черепичные кровли прусского городка и блеск французских штыков у светлой речки Алле.

И вот дневник или записки кончены, отосланы в Петербург, прочитаны Пушкиным. Пушкин, сам Пушкин хвалит их, берет печатать, пророчит успех...

— Будьте смелы — вступайте на литературное поприще так же отважно, как и на то, которое вас прославило, — прервал Пушкин задумчивость приезжего. — Полумеры никуда не годятся, — прибавил он улыбаясь.

Он устремил на штабс-ротмистра пронизательный, испытующий взгляд. Застенчивое гордое лицо, пламенные глаза, угловатые жесты. Так вот какова она, эта прославленная русская амазонка, девица-кавалерист Надежда Дурова!

Пушкин внезапно стремительно наклонился, схватил маленькую смуглую руку Дуровой и поцеловал ее.

Дурова в замешательстве отдернула руку, отпустила.

— Ах, боже мой, я так давно отвык от этого, — сказала она, покраснев и сердясь на себя за неловкий оборот.

Но Пушкин смотрел серьезно.

Он поцеловал маленькую руку, некогда державшую саблю, в знак преклонения перед доблестью русской женщины.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Эскадрон на Юрманке	3
2. «Гусар-девка»	9
3. Платье на берегу	16
4. Товарищ Соколов	27
5. На плацу	34
6. Боевое крещение	38
7. Под Фридландом	46
8. Тайна разоблачается	53
9. В гаупт-квартире	57
10. Белый георгий	61
11. Царский крестник	66
12. Бородино	75
13. Ординарец Кугузова	84
14. Вместо сабли — перо	90

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *И. Резникова.*

Написано к печати 19/ХІ 1942 г. 3 печ. л. (3,7 уч.-изд. л.).
42658 зн. в печ. л. Тираж 50 000 экз. №102036. Заказ № 2518.
Цена 1 руб.

Фабрика детской книги Детгиз Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суцеский вл., 49.

Цена 1 руб.

